

ОГОНЕК



НАШ СТАРЫЙ ВРАГ—

Он предлагал Германии в 1918 году напасть на Республику Советов.
Он вдохновлял французскую интервенцию в 1919 году.
Он организует сейчас новый поход против нашего Союза.
Маршал Фош— один из тех, кого мы знаем слишком хорошо!

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА НОВОЕ ИЗДАНИЕ ГОТОВЬСЯ В ВУЗ

ПОСОБИЕ по подготовке в высш. учебн. заведениях в ПРОГРАММУ ИЗДАНИЯ ВКЛЮЧЕНЫ СЛЕДУЮЩ. ПРЕДМ.:

- 1) МАТЕМАТИКА,
- 2) ФИЗИКА,
- 3) РУССКИЙ ЯЗЫК,
- 4) ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЕ.

В издании „ГОТОВЬСЯ В ВУЗ“ будет состоять из шести книг, в каждой не менее 20 печатных листов.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: до 1-го октября 1927 г. объявляется льготная подписная плата на все издание — 9 руб. ДОПУСКАЕТСЯ РАССРОЧКА: 1-й и 2-й кн. — 2 руб.; при получении 1-й кн. — 2 руб.; при получении 2-й кн. — 2 руб.; при получении 4-й кн. — 3 руб.; 5-я и 6-я выпускаются б-а доплатами.

С 1-го октября подписная плата будет повышена

Подробные проспекты ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕСПЛАТНО.

Заказы и денежные переводы направлять по адресу: Москва 19, Воздвиженка, 10, изд-ву „РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ“ Отделу Периодических Изданий.

Разрешенная Центр. Комиссией по провед. Октябрьск. торжеств ЮБИЛЕЙНАЯ КРУЖКА X-летие ОКТЯБРЯ



из металла, с рельефн. изображ. герба и 30 лот. тисн. текста — 35 к. шт. Выссыл. не менее 15 шт. Колич. выпущ. ени. круж. огранич. чено. Моно-польное право распространения предоставлено Деткомиссии ВЦИК.

ПАЛЬТО РЕГЛАН

БРЕЗЕНТОВОЕ крашеное с кушаком — 14 р 50 к. То же брезентовой парусины, химическ. пропит. англ. тила — 16 р. ПЛАТЬЯ трикотажн. вязан., нов. фасона — 17 р. 50 к.

Компанные куртки:

тафелеток. бар. — 28 р. 50 к, брюки — 20 р., шеврет куртка — 36 р., брюки — 31 р. 20 к., полу-пальто — 56 р. Все из цельн. пласта. ния.

Указыв. рост и об'ем груди!

ЧАЙ плиточный лом.

Кило — 4 р. 80 к., высылается не более 8-х кило на одно лицо.

НОЖЕВОЧНЫЕ ПОЛОТНА

12-дюйм. дожд. — 4 р. 80 коп., гресс — 61 р. 84 к.

БЕЗОПАСНЫЕ БРИТВЫ

„ШВЕДСКИЙ ШИЛЕТ“, аппарат с двумя лезв. — 2 р. 50 к., в дерев. футляре — 3 р. 25 к., лезвья — 25 к. штука.

ФОТО-БУМАГА „АРО“ бромосеребрян. глянец, матов., бархатистая высш. качества: 9x12 см. пак. 10 лист. — 10 к. 13x18 — 1 60. 18x24 — 3 20. 22x28 — 1 10.

ЛАК СПИРТОВЫЙ флакон 35 грамм — черн. 30 к., цветной — 40 к.

ТАБЛЕТКИ „БОН-ГУ“ для приготовления домашн. способ. ликеров, наливок и проч., за трубку содерж. 2 табл.етки на бутылку — 25 к. При заказе не менее 12 дожд. скидка 20%.

СЛАДКОЕ ФРУКТОВОЕ ЖЕЛЕ „ТАТ“ — порция на 6 чел. — 35 к. дождик — 3 р. 60 к.

КАРМАННЫЕ ШАХМАТЫ портативны и удобны — 85 к. ВСЕ КНИГИ ГОСИЗДАТА ПО ЦЕНАМ ЕГО.

Заказы принимаются на сумму от 5 р., при задатке 25%. Перес. и упаковка по себестоим. В УДЕШЕВЛЕНИЕ перес. — ВЫПИСЫВАЙТЕ КОЛЛЕКТИВНО. СВОДНЫЙ КАТАЛОГ 30 к. (можно марк.) ГОСУД. ПРЕДПРИЯТИЕ

УНИВЕРПОЧТ Москва, Центр. Москворецк. ул. 24/1.

ВЫПИСЫВАЙТЕ БЕЗ РИСКА МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

ЦЕНЫ и КАЧЕСТВО ВНЕ КОНКУРЕНЦИИ.

Балалайки

5 50, 7 25, 9 30 и 12 р.

Гитары

15 50, 19, 22 50 и 30 р.

Мандолины

15, 19, 22, 25 р.



БЮРО ПОЧТО-ПОСЫЛКА МОСКВА ДОКРОВА 16/32

ГАРМОНИИ

32, 50, 60, 75, 85 и дороже.

ТРЕБУЙТЕ СМЕТЫ НА СТРУННЫЕ ОРКЕСТРЫ.

Треб. за две 3-х. марки, влож. вконверт, полн. иллюстр. пр. нур. с бесплатн. прил. „История муз. инстр.“, и прошлое и совр. Сочинен. пр. доц. С. Чемаданова, и отен. табель-на-лендрань.

НОВАЯ КНИГА ДОМАШНИЙ РЕМЕСЛЕННИК

Все ремесла в одной книге. Плотничьи, столярн., токарн., по отделке деревянных изделий, корзиночные, бочарн., картонажные, переплетные, провололочные, кузнечные, слесарные, токарные по металлу работы, паяние, лужение, никелирование, выделка овец, варка мыла, выделка жето, кистей, верев., производство крахмала, зеркальные, обувные, гончарные, печные, малярные, и штукатурные работы, изготовление детекторного радиоприемника. Со 148 рисунками. Цена экспрессной 3 р. 50 к., можно посыл. мошкой почт. марк. Заказы и деньги направлять: Книжн. склад „КНИГОВЕД“ Москва. 19, ул. Герцена, 22.

НОВИНКИ

„ВЕТРО ДВИГАТЕЛИ“

для машин, водокач., станков и электростанций низжен. Фентенляз. 176 стр. 124 рис. 2 р. 50 к.

П. А. ЕВДОКИМОВ ПРАКТИЧЕСКАЯ ФОТОГРАФИЯ

В трех част. 384 стр. 129 рис. 3 р. Его же. Как получить хороши. негатив — 80 к. Шпериел. — Фотограф. оправочник. Ц. 2 р. 10 к. Селиванов. Багетно-рамочное производство — 60 к.

Зарюллинз. — Спутник р. б-лова любителя — 50 к. Селиванов. — Плетение сетей — 60 к. Требуется каталог № 6. Высылка бесплатно. Цены без пересылки. Стоим. перес. одной книги — 30 к., двух — 62 к., трех — 35 к. и т. д. Книжн. магазин А. С. Степанова. Ленинград, Пр. Володарск. № 31.



Промысл. - Экономич. и Художеств. - Технические Курсы

„ПОЛИГЛОТ“

По окончании курса учащиеся подвергаются испытанию в спец. квалиф. кол. сии и

получают соответствующее свидетельство. Требуется бесплатно проспект и условия. Адрес: Ростов н/Дону. ПЛАТА ПОМЕСЯЧНО ОТ 1 ДО 3 РУБЛЕЙ.

ПИСАТЬ И ГОВОРИТЬ ИЗУЧИТЬ

ПРАВИЛЬНО ПО-РУССКИ будете, если приобретете „Новый орфографический словарь“ содержащий 100.000 слов, сомнительных в правописании. Выссыл. за три р. 25 к. Адрес: „РУССКО-ИНОСТРАННАЯ КНИГА“ Москва, ул. Герцена, 9/3.

бухгалтерию, stenograf-ю, каллиграфию (исправл. почерка) рисован. шрифт. МОЖЕТ КАЖДЫЙ У СЕБЯ ДОМА без помощи учить. Подробн. сведен. высыл. бесплатно. ЛЕНИНГРАД, пр. Володарского, 58. Книжн. дело „ПРАКТИЧЕСК. ЗНАНИЯ“.

ИЗБАВИТЬСЯ!!

НАВСЕГДА от мозолей, бородавок и пота. МОЖЕТ КАЖДЫЙ ТОЛЬКО „Продуктами Л. ГЛИКА“

№ 2. „Эксол“ уничтожает мозоли и бородавки с корнем и безвозвратно. . . Р. 2. — к. „4. Javal“ — радик. средство от пота Р. 1. 90 к. „1. Клопин“ — уничтожает клопов в 15 мин. . . Р. 1. 75 к. „Клопин“ — тройной размер. . . Р. 3. 50 к.

№ 6 „Тараканон“ — истребляет тараканов в сутки. . . Р. 2. — к. „Тараканон“ двойной размер. . . Р. 3. — к. „5. Крысомор“ — радикально истребляет крыс и мышей Р. 2. 50 к. „7. Антипаразит“ — идеальн. средство от вшей и блох Р. 1. 50 к. Цены указаны с упак. и пересылкой. Качество продукт. гарантировано. Заказы высылать немедленно по получении их стоимости. Адрес: Москва, Мясницкая, Кривоколенный пер., 1. И. ТОЛЫЦ.

Полная общедоступная Школа Электротехники В ТРЕХ КНИГАХ

С многочисленными рисунками. Перевод нового популярного труда немецкого ученого Ганса Гюнтера. Все книги напечатаны и высыл. за 5 р. 50 к. Заказы и деньги ахр.: МОСКВА, ул. Герцена, д. 9/3 „РУССКО-ИНОСТРАННАЯ КНИГА“.

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗ.

не следует изучать по устарелым методам. Лучшим признанным методом Мертиера, не требующим заучивания слов и правил. Немецкий самоучитель, реком. Всер. К-ом содействия пром.-экон. образ. и деп. Гос. Уч. Советом, выссл. за 2 р. 85 к. Такой же Английский самоучитель выссл. за 3 р. 15 к. МОСКВА, ул. Герцена, 9/3 „Русско-Иностранная Книга“.

ЛЮБЫЕ НОТЫ!!!

Для фортепиано, скрипки, виолончели. САМОУЧИТЕЛИ для гитары, мандолины, гармоники, балалайки. ОПЕРЫ для вины и режия. РО-МАНСЫ старые и новые, фокстроты, вальсы и т. д. Выссылка в 3-х дневн. срок наложенным платежом. Адресовать: Москва, Центр. Политехнический музей, п. 116/0. „КУЛЬТУРА И ЗНАНИЕ“.

ПРОИЗВОДСТВО МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ ГОЛОВИНА

ВЕНСКИЕ 2-х и 3-х рядные хроматич. баллы гармония и полубаллы, ГИТАРЫ, МАНДОЛИНЫ. БАЛАЛАЙКИ. Требуется издательств. прейс-кур. за две 3 коп. марки, влож. вконверт. Москва, почт. ащ. № 707/0

РАЗБОРНЫЕ МОДЕЛИ

- 1) Двигатель 3-х фазного тока под редак. проф. А. Радиг. Цена с пер. . . 2 р. 80 к.
- 2) Паровая машина хв. расшир. под редак. проф. А. Радиг. Цена с пер. . . 2 р. 80 к.
- 3) Двигатель внутр. сгор. (Дизель) под ред. проф. Д. Дьякова. Цена с пер. . . 3 р. 80 к.
- 4) Паровая турбина под ред. проф. Дьякова. Цена с пер. . . 3 р. 80 к.

Модели воспроизводят в 7 красках полную конструкцию машины, сопровождаются общедоступным описанием и дают возможность газбирать и осматривать в части машины. Размер модели 24x34 см. Выссл. наложенн. платеж. Заказы направлять: Ленинград, Театральная пл., 2/32. Инж. Я. А. АЛЬТШУЛЕРУ.

Единственный по своей легкости общий циферный самоучитель

для ГИТАРЫ мандолины и БАЛАЛАЙКИ с новыми песнями, романсами и проч. выссл. за 2 р. 85 к. для ГАРМОНИИ (духур.) такой же самоуч. с 30 муз.к. №№. Выс. за 2 р. 85 к. „Русско-Иностранная Книга“ МОСКВА, ул. Герцена, д. 9/3.

ФОТО-ПОРТРЕТ

увеличение с любой картинкой и пасп. и БАГЕТНОЙ РАМЕ 10x12 верши. — 5 руб., 12x14 — 8 руб. НА БРОШКАХ и БУЛАНКАХ ФОТО-ЭМАЛЬ Кварц. овалы и кругл. формот 1-5 см. больш. 3 р., средн. 2 р., мал. 1 р. 50 к. Карточки выссл. без платки (возвращу в цености). Москва 21, Лашков пр. д. № 15. В. Шиманову ПРИ 3-х ЗАКАЗАХ — 4-я БЕСПЛАТНО

МАГАЗИН „ПИОНЕР“ МАГАЗИН

Изд-во ЦК ВЛКСМ „МОЛОДЯ ГВАРДИЯ“

Москва, Тверская 37.

Тел. 3-04-44.

К ЛЕТНИМУ СЕЗОНУ

ВСЕ для СПОРТА для ПИОНЕРОВ

СПОРТИВНЫЕ и ПИОНЕРСКИЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ и СНАРЯЖЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРА, ЗНАЧКИ и проч.

Палатки рабоч., санитарн., лесные и пионерские

Полный катал. выс. за 8-коп. марку.

№ 38 (234). 18 сентября 1927 г.

НЕУДАЧА КОВЕРДЫ № 2

От нашего варшавского корреспондента.

Результат очередного нападения белоэмигранта Иосифа Трайковича на сотрудника варшавского консульства Шлессера оказался, как известно, весьма плачевным для нападавшего. Тем самым



Курьер Советского полпредства в Варшаве т. Гусев, застреливший белогвардейца Трайковича.

испорчена хорошая сенсация для той части Варшавы, которая отличается особенной страстью к криминальной хронике. Для этой части потребителей варшавской прессы хороша сенсация тогда, если наемный убийца убивает советского представителя. В последнем случае, когда нападавший поплатился жизнью, не успев сделать своего дела, речь может идти, в лучшем случае, о сорванной сенсации.

Это можно было прочесть на лицах борющихся варшавских репортеров, сновавших в тот день в вестибюле варшавского полпредства СССР.

Сорванная сенсация. Неудачливый Коверда № 2.

Нападения белобандитов на наши заграничные представительства приобрели уже свой шаблон. Является подосланный

эмигрант в консульство, обижается, что ему навстречу не несут визы на проезд в СССР, и, возмущенный „грубым обращением“ советского сотрудника, кидается на него с ножом, револьвером, железной болванкой от утюга или другим тяжелым орудием, которое случайно находится у просителя под рукой.

Так уже заведено, что отправляющийся в консульство подобного рода эмигрант заранее уверен, что его обидит, что с ним будут грубы, и он не забывает запастись одним из вышеупомянутых предметов. Если дело выгорает, сразу появляется ряд смягчающих вину нападавшего обстоятельств: молодой возраст, высоко развитое чувство патриотизма, исключительная нервозность, да еще про запас для зала суда две-три „замученные“ большевиками троюродные тетушки.

Трайкович, которому лавры Коверды спать не давали, все это хорошо усвоил. Вполне, поэтому, понятно, что у него на случай недоразумения и нервной вспышки оказались в кармане — финский нож, револьвер и болванка от утюга. Другая, снаряжавшая Трайковича на доблестный подвиг, позаботилась, чтобы все смягчающие обстоятельства тоже были на лицо: молодой возраст (20 лет), патриотизм (квартира Трайковича в Вильне была украшена трехцветными знаменами), высокие моральные качества и все остальное. Если бы Трайкович не обладал моральными качествами, разве мог бы он получить льготный билет на проезд из Вильны в Варшаву?

Одного лишь не предусмотрел Трайкович. Готовясь в герои, он забыл заготовить фотографические карточки для раздачи корреспондентам в случае удачи. Коверда в этом отношении был более предусмотрительным. Коверде № 2 вообще не повезло. Дежурный посольства, тов. Гусев, которого мы все знаем, как тихого, молчаливого, сосредоточенного и самого скромного среди советских дипломатов в Варшаве, пересек блестящую карьеру, к которой готовился Трайкович.

Бульварное общественное мнение разочаровано. Желтая печать проявляет некоторую растерянность. Но на то желтая печать желта, чтоб не унывать. Провалилось дело с героизмом неудачливого Коверды № 2, как уже начинает сплетаться версия о бедном просителе, зверски убитом сотрудниками консульства. Хорош проситель, являющийся в консульство добывать визу, запасшись заранее финским ножом, револьвером, да еще таким неблагородным „бабским оружием“, как болванка от утюга!

Можно создать из едва грамотного наемного убийцы, в прошлом — доверительного лица польской охранки, национального русского героя, но для этого должен быть исполнен ряд условий. Террористический акт должен быть доведен до конца, убийца —



Курьер Советского посольства в Варшаве т. Шлессер, раненый Трайковичем.

остаться в живых, да необходим еще промежуток времени между арестом и судом, в течение которого удастся принарядить убийцу.

Труп Трайковича увезен из здания посольства следственными властями. Рана, нанесенная тов. Шлессеру оказалась неопасной, он отделается шрамом.

В заключение, еще один политический штришок. Коверда убил полпреда СССР в Варшаве тов. Войкова в тот момент, когда польская печать ждала от предполагаемой поездки тов. Войкова в Москву улучшения советско-польских отношений. Трайкович совершил нападение на сотрудника советского консульства на второй день после официальных сообщений газет об окончательной ликвидации советско-польского конфликта, возникшего в связи с убийством тов. Войкова.

Невольно возникает вопрос, кто окажется сильнее: польский мининдел, направляющий иностранную политику Польши, или штаб русских монархистов в Вильне, вносящий всякий раз свой корректив в официальную политику польского министерства иностранных дел.

О. Мечиславский.



Труп Иосифа Трайковича у дверей Советского полпредства в Варшаве.

Договариваются! Вриан (слева) и Чемберлен на Женевской



создания единого фронта против СССР, осуществив так называемое „Восточное Локарно“.

Портье-финансист. Старший швейцар одного из крупнейших в Нью-Йорке отелей — Вальдорф — Астория — Отель — по-



Он начал свою службу мальчиком на побегушках — „боем“ этого отеля. Проявив недюжинные способности на поприще обслуживания американских капиталистов и знатных иностранцев, оставшихся в отеле, он стал быстро подниматься вверх по служебной лестнице. Быть старшим портье в таком отеле, как Астория — Отель в Нью-Йорке, не так легко: надо запоминать все титулы, все светские сплетни, хранить про себя все скандалы и уметь быть полезным и приятным всем „высоким“ гостям без исключения.

Изображенный на снимке Оскар Тчирки — высококвалифицированный спец своего дела.

Еще одно сумасбродство. На поприще мод американская изобретательность неистощима. Последняя новинка — подражание сильному полу: фрак, визитки, жилеты, монокли.



Увлечение мужской модой зашло настолько далеко, что американские ханжи в целом ряде американских штатов изучают законы, запрещающие женщинам носить короткое, мужское, стричь волосы.

На снимке: одна из таких модниц, в которой с трудом можно узнать представительницу слабого пола.

Анри Барбюс в Москве. 10 сентября в Москву прибыл знаменитый французский писатель и политический деятель Анри Барбюс.



На Виадовском вокзале писатели встречали представителя МОПРа, Всеююзного об-ва культурной связи с заграницей, Государственной Академии Художественных Наук и многих других общественно-литературных организаций.

Неутомимый и пламенный борец за освобождение человечества от капиталистического рабства, автор „Света“ и первого художественного произведения, поднявшего протест против мировой войны, известный читателям „Огонька“ по автобиографии, напечатанной в № 21 с/г.

В ближайших номерах нашего журнала будут помещены статьи Анри Барбюса, написанные специально для „Огонька“.

На снимке — Анри Барбюс на вокзале в Москве. Фот. С. Фридлянда.

В Библиотеке „Огонек“ вышла и рассылается с настоящим номером книжка рассказов Ионст. Большакова — „Судьба случайностей“. Конст. Большаков принадлежит к типу писателей, умеющих заинтере-

совать самого равнообразного читателя увлекательной фавбулой. Рассказы „Море“, „Роза ветров“, „Ветси“ и др., вошедшие в книжку, вполне обладают этим свойством, которое всегда было ценно и которое сейчас особенно ценят современный читатель.

Вторая книжка юмористических рассказов Н. А. Карпова — „Родные человечки“, только



что вышедшая в Библиотеке „Огонек“ и рассылается с настоящим номером, значительно лучше первой. Здесь все качества даровитого писателя выражены еще ярче и полнее.

Первая книжка юмористических рассказов Н. А. Карпова,

конференция пытаются урегулировать разногласия с целью

лучает не маленькое жалование — 50.000 долларов в год.

Противохолерная прививка. Коротенькая газетная заметка гласит: „Для борьбы с разразившейся в настоящее время эпидемией холеры, из города Франкфурта (в Германии) вылетел самолет с 60.000 ампулами противохолерной прививки. Перелет продолжался 36 часов“.



Такую заметку теперь прочтывают, как рядовое, повседневное сообщение. Но стоит лишь мысленно перенестись на географическую карту, чтобы вспомнить, что еще недавно такая доставка заняла бы несколько месяцев и много тысяч людей успели бы за это время погибнуть.

Против буржуазной военизации. В то время как у нас каждый гражданин СССР охотно подвергается военизации с тем, чтобы в нужный момент не быть беспомощным в деле защиты Союза, во Франции население бурно протестует против закона Поля Вокюра о военизации населения. Среди рабочих, крестьян и солдат Франции организуются массовые демонстрации протеста.



VIVE LA LUTTE REVOLUTIONNAIRE DES SOLDATS!

La „caserne“, eine legal erscheinende antimilitaristische Soldatenzeitung, deren Lektüre für die Soldaten verboten ist.



На снимке слева — легально издающаяся антимилитаристическая газета „Ла Казери“, запрещенная для чтения низшим военным чинам. На правом снимке — капитан Чьюлье, арестованный за распространение газеты „Ла Казери“, и приговоренный к трем годам тюремного заключения.



АЛЬБОМ СОВЕТСКОЙ САТИРЫ ИЗБРАННЫЕ РИСУНКИ, ШАРЖИ И КАРИКАТУРЫ

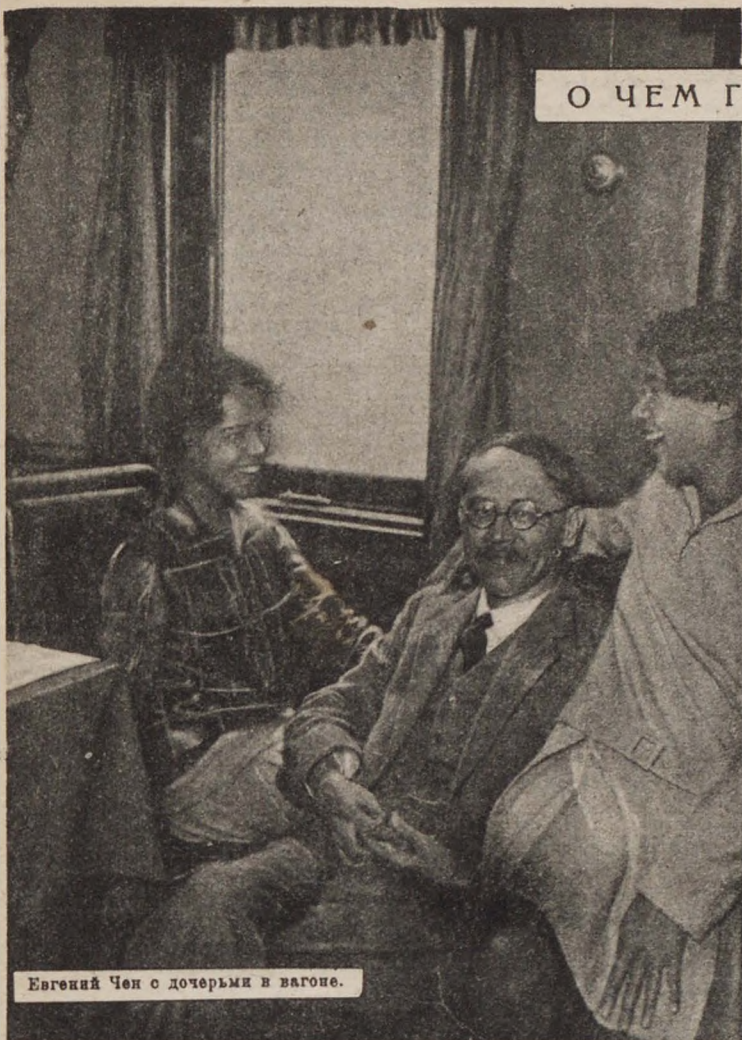
Б. Антоновского, Ю. Ганф, А. Дейнека, Дени, К. Елисеева, Б. Ефимова, В. Козлинского, И. Малютина, Д. Моора, А. Радакова, Н. Радлова, К. Ротова, М. Черемных.

Цена — 1 руб. Заказы направлять: Москва, 9, „ОГОНЕК“, Тверской бульв. 26.

Высылка производится также наложенным платежом.

О ЧЕМ ГОВОРЯТ

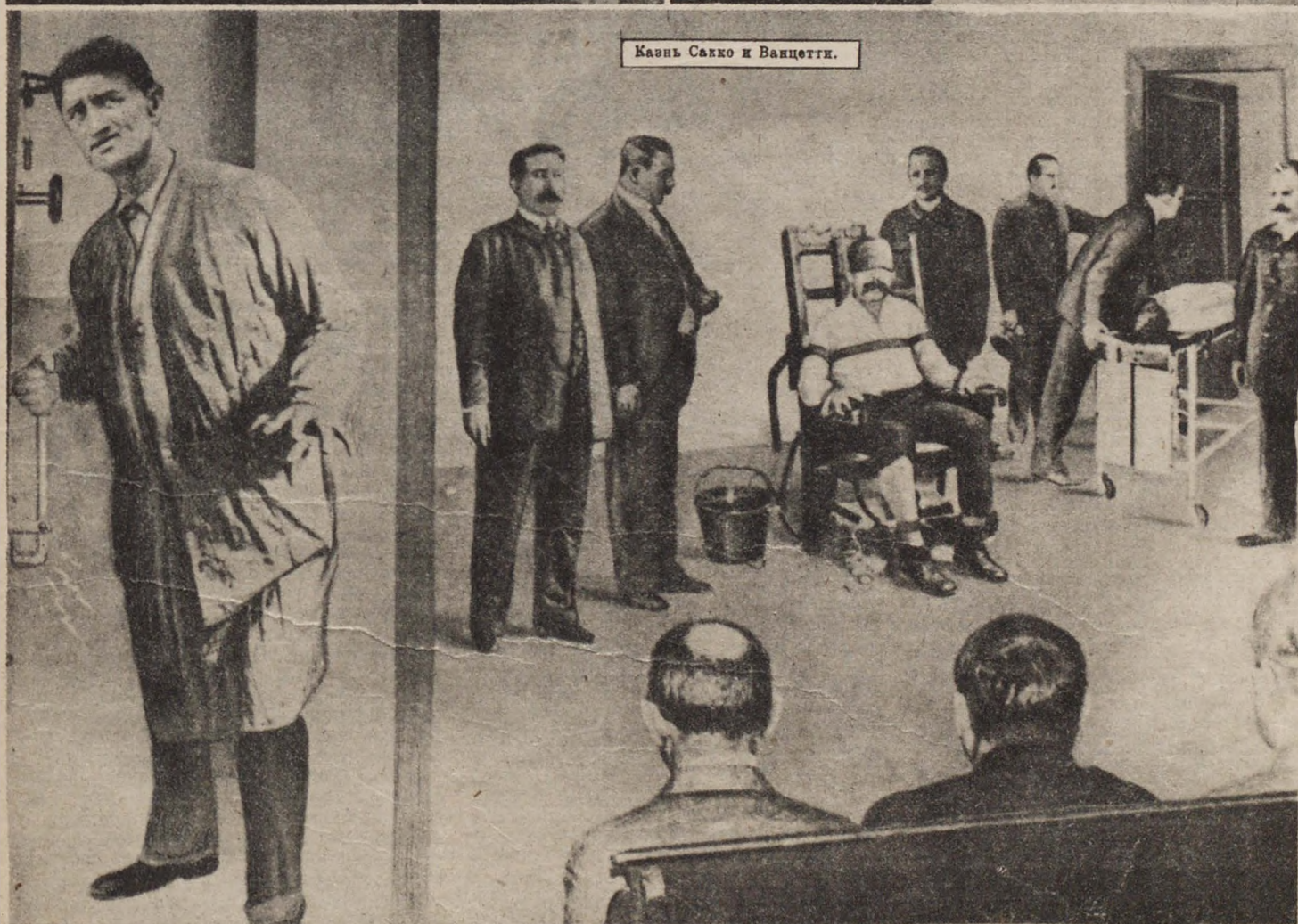
From the Revolutionary
Committee to the
Workers of Moscow
Sept. 7, 1927. Song Ching Ling.



Евгений Чен с дочерьми в вагоне.



Сун Цин-лин.



Казнь Сакко и Ванцетти.

Сун Цин-лин, вдова Сун Ят-сена, глава китайского революционного правительства—приехала в Москву вместе с Евгением Ченом, бывшим министром иностранных дел ханькоуского правительства. Сун Цин-лин передала редакции привет: „От революционеров гоминдана—рабочим Москвы“.
Как их убивали. Композография—засъемка инсценировки действительного события—казни Сакко и Ванцетти. Изображен Ванцетти на электрическом кресле в момент включения тока и увоз казненного Целестино Медереса. Слева—контролер, проверяющий пуск тока.

МОЯ ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ*

Театр в Минске построен в зале дворняцкого собрания, не велик, но красив и изящен; все ложи отделаны резьбой и освещены лампами, стоящими на резных же колонках подле каждой ложи, что при красивых туалетах дам очень эффектно. Директором был назначен губернский архитектор Штраух, Август Леонтьевич, и город давал субсидию в шесть или три тысячи — не помню. Режиссером был Мих. Павл. Каратыгин, занимавший до отставки это место в Петербурге в русской опере. Труппа порядочная и довольно большая для такого театра. Я прыгала от счастья, что наконец попала в большой город и на настоящую сцену. Жалованья вместе с отцом мы должны были получать 100 р. (он 70, а я 30) и один полубенефис на его имя. Я познакомилась с труппой.

Первое место занимала Ирина Семеновна Сандунова, комическая старуха, очень пожилая женщина, покинувшая императорскую сцену, прекрасная актриса (жена известного Кони)¹; Леонарда Ромуальдовна Орлова-Новогребельская (полька) — драматическая любовница; Раевская с мужем: он — роли фатов, она — водевили с танцами, оба из московской театральной школы; Страхов и отец — комики; Яковлев (украшение труппы) — резонер; Сосницкая — на маленькие роли, я — на вторые роли вообще и преимущественно в водевилях, и еще несколько человек, более или менее полезных².

В первый спектакль я вышла в роли Глашеньки в водевиле „Бедовая бабушка“ и имела большой успех: меня вызвали три раза, а, главное, Сандунова меня похвалила, посоветовав, однако, не воображать о своем таланте, так как „смазливая рожица не есть еще талант“. Я скромно созналась в справедливости ее слов, так как таланта в себе еще не замечала, а на счет „рожицы“ сомнения не было. Роль Глашеньки была единственная в моем репертуаре, остальное все забирала Раевская, которую публика сразу не полюбила. Сандунова попросила повторить „Бедовую бабушку“, которую она играла очень хорошо, а публика принимала нас еще лучше первого раза и кто-то поднес мне букет. Этого Ирина Семеновна не перенесла: не хотела выходить со мной на вызов и бранила публику ужасно. Через два дня в местной газете появилась статья (написанная, как после узнала, по просьбе Сандуновой), в которой порицались невежды, не замечающие истинного таланта подле „смазливой рожицы“. Автор предсказывал полное падение искусства, так как „дарование не могло развиваться при таком легком успехе“. Кончалась статья фразой: „Ох, уж эти мне букеты“. Мой первый букет был отравлен, и я лишилась полезных советов, так как Сандунова перестала говорить и

кланяться со мной. Раевская, видя перевес публики на моей стороне, возненавидела меня и запретила своему мужу участвовать в водевилях, где у меня была хорошая роль. Публика, ходящая за кулисы, жаловалась, что я ничего не играю, мне в виде протеста стали аплодировать за два-три слова, Штраух сам был недоволен, но ничего сделать было нельзя: труппа разладилась, перессорилась, т. е. не доставало главного драматического актера и играть было нечего.

Подумали, подумали и решили выписать, по совету отца, известного К³, жившего в то время в имении без места, так как он



Мария Гавриловна Савина 15-ти лет.
Репродукция С. Фридлянда.

не хотел служить за маленькое жалованье. Когда мы жили в Смоленске, он служил там и пользовался большим успехом, а также сводил с ума смолян своей красотой. Он часто у нас бывал, и в эти дни всегда собирался к нам все его вздыхательницы и чуть не крали у него платки из кармана. Приехал он в конце сентября и сразу завоевал публику и поднял театр. Работа закипела: все помирились, репертуар совершенно обновился, сборы полные, публика довольна, Штраух ликует и т. д. Я встретила его как знакомого, но он меня не узнал, — так я в три года изменилась. С отцом они были на ты.

датки таланта, которые, несомненно, есть у г-жи Стремиловой, — могут, если только она не будет увлекаться пустыми комплиментами и неумеренными похвалами небольшого кружка, а, напротив, будет прислушиваться к голосу общественного мнения и вместе с тем пользоваться советами и указаниями тов. артистов, более ее опытных и более понимающих дело⁴. (См. ст. „Несколько слов о минском театре“ — „Минск. Губ. Вед.“ 1869, № 39, часть неофиц.). Савина играла в сезоне преимущественно водевили, в роде: „На хлеб и воду“ (воспитанница), „Девушка-гусар“ (Габриэль), попадала и более ответственные роли, напр. Жиро „Записки Демона“, Ольга („Русская Свадьба“). Лучшими ролями артистки были Верочка („Путники“) и Полина („Доходное место“). Пьесы эти были поставлены так же, как и „Гроза“, после того как критика потребовала от театра серьезного репертуара. Пьесы эти ставила И. С. Сандунова, имевшая большой опыт, видевшая и сама принимавшая участие во многих ответственных постановках Московского Малого и Александрийского театров.

³ Костровский, В. И., или, как он именовался позже, „Истомин-Костровский“. Превосходно читал с востради. Имел хорошие манеры, приятный тембр голоса, и не потому ампула любовник. В 80-х годах прошлого столетия держал театры во многих крупных городах, оставив себе печальную славу антрепренера-афериста и раздувая, главным образом, свои гастроли в своей же труппе.

Узнав интриги труппы и мое положение в ней, он со свойственной ему горячностью объявил, что все переделает по-своему и что, повидимому, кроме меня актрисы в труппе нет, и все водевили он будет играть со мной. С таким авторитетом мне нечего было бояться интриг, а, главное, я буду много играть, да еще с таким актером. В эту ночь я видела золотые сны. На другой день К. принес мне несколько водевилей, в том числе „Гамлет Сидорович“ и Офелия Кузьминична⁴. Последний я должна была выучить как можно скорее, так как это была его любимая роль, и он хотел играть ее во время дебютов. Я пришла в ужас от массы куплетов, которые тут же стала пробовать под фортепиано. Первой мыслью моей было отказаться: я боялась испортить ему, так как никогда не играла пьес в два лица и знала, что это очень трудно. Притом же нужен был богатый маскарадный костюм турчанки, о котором при моем жалованьи я и помышлять не смела. К. без церемонии накричал на меня, напал на отца, взял с него обещание дать мне денег на костюм и с терпением учителя принялся „долбить“ со мной куплеты, а, главное, интонации их, чего я тогда совсем не понимала, думая только о нотах. Решилась я играть и училась прилежно только из-за костюма, так как роль мне страшно не нравилась. Некоторые куплеты казались мне крайне скучными, я не понимала их. Это выводило его из себя, а отец, присутствовавший при наших занятиях, тоже сердился и советовал К. бросить, так как „из этой упрямой дубины ничего не выйдет“. Я, конечно, обижалась, но продолжала петь, глотая слезы.

Атлас для костюма стоил 24 рубля. Почти мое жалованье!.. Шла я его сама и сумела сделать очень красиво. Мученья мои увенчались громадным успехом — фурором. А костюм обеспечил мою будущность. Губернатор сделал выговор Штрауху, что я так мало получаю при несомненном даровании и таких богатых костюмах и приказал дать мне бенефис и прибавить жалованья. Как описать мой восторг!.. Жалованья мне прибавили только 10 р., но — бенефис!.. Играть я стала все и каждый день. Против губернатора никто не смел итти, и за кулисами перестали меня теснить, тем более, что К. стоял за меня. „Гамлет Сидорович“ стал репертуарной пьесой и часто ставился неожиданно, по желанию публики.

Я работала много и старательно, и заметно привыкла к сцене, а куплеты стали моей сферой, тогда как прежде это было мое мученье. С редким терпением и строгостью К. следил за мной, и я его очень боялась, зато была в восторге от его похвалы и только ему верила. Когда мне приходилось играть без него, он садился в первую кулису, откуда доносились мне слова одобрения или брани, последнее чаще, я его умоляла не смотреть, так как это меня страшно мучило. Он добивался (и успел) отучить меня от „кислоты“, быть живой на сцене, что в особенности для водевилей необходимо. Все средства были хороши для этого. На сцене, не стеснясь публики, как будто в роли, он спрашивал, — кого я похоронила или не болит ли у меня голова. Я краснела до слез, начинала горячиться и слышала: „Вот так, наконец-то“. На репетициях при всей труппе он советовал отцу положить в мои башмаки сухой горчицы, чтобы я была поживей к спектаклю. Я злилась, дулась на него, но к спектаклю помнила и выходило хорошо. Иногда я ненавидела его, и всегда робела перед его взглядом на сцене. Мне так хотелось хорошо сыграть свою роль, а, главное, ему не напортить. Его насмешки были так колки и так обидны..

Зима летела, я не замечала времени за шитьем костюмов и учением ролей. Настал день моего бенефиса. По совету К., я поставила „Доходное место“ (по общему мнению,

* Мемуары М. Г. Савиной выйдут в издательстве „Academia“.

¹ Сандунова, Ирина Семеновна — жена известного водевилиста и театрального критика Ф. А. Кони и мать академика А. Ф. Кони. Даровитая актриса на комические роли, прослужившая на сцене свыше 50 лет, замечательная исполнительница ролей городничих („Ревизор“), свахи („Женитьба“) и др. Умерла в 1891 г., 80-и лет.

² Репертуар и состав труппы минской публики и критику не удовлетворяли. В Минске, как во многих провинциальных городах, существовали любительские кружки, которые давали так называемые „благородные спектакли“, т. е. спектакли, в которых участвовали представители привилегированного сословия. В Минске „благородные спектакли“ носили постоянный характер, отличались большим слаженностью и серьезным репертуаром. Так, например, в 1869 г. в Минске любители удачно играли „Свадьбу Кречинского“, „Ревизора“ и „Горе от ума“. Кроме того, они выгодно отличались от профессиональных спектаклей скупостью декораций и новизной костюмов, которые обыкновенно специально делались для каждой новой постановки. Небрежно составленная труппа профессионального театра, отсутствие актеров на некоторые ампулы, заграничный репертуар мелодрам и водевилей, отсутствие ансамбля, неумелое распределение ролей — губили сезон, который для Савиной, однако, все же был удачным. Критика отметила ее дарование и счастливую наружность. „Могут развиваться и за-

роль Полинки должна была быть моим триумфом) и оперетку в два лица „Не быть бы счастьем, да несчастье помогло“. С этой опереткой я пролила не мало слез. Музыка прелестная, и роль мне чрезвычайно понравилась, но один куплет чуть не свел меня с ума. По обыкновению, я стала учить с фортепиано и с помощью К., который уже играл свою роль много раз. Перед началом он предупредил меня, что один куплет я спою отвратительно, со свойственной мне кислотой, и что хотя зачеркивать куплеты не в его правилах, но этот он вычеркнул бы с удовольствием, да нельзя, так как исказит смысл. Получив сразу неслышимый комплимент, я, конечно, неохотно стала разбирать музыку и в душе решила „на зло“ хорошо спеть этот „противный“ куплет. Когда мы дошли до него, то задача, несмотря на твердое решение, оказалась мне не по силам. Этим куплетом высказывалось перерождение Жанетты, и она с ужасом, шопотом, признавалась себе и публике, что „какое-то чувство волнует ей всю кровь, и это—любовь“. Передать этого я, по мнению К., никогда не сумею, так как ничто в мире не может „взволновать мою кровь“ и у меня „нет чувства“, и я только могу изображать в совершенстве первую половину роли, где Жанетта ходит, „как сонная муха“.

Сначала я сердилась, но потом согласилась с ним и стала просить „выучить“ меня, как передавать этот куплет. Тут уж гнев моего учителя не было пределов: „Разве можно этому выучить“, „как это глупо“, „из вас никогда не будет актрисы“, „вы всегда останетесь кислотой“ и т. д. Я расплакалась, за что получила эпитет „юнон“ и услышала следующий вопрос:

— Если вы будете быть так с каждой ролью, когда же вы сделаетесь актрисой и за что вам дали бенефис?

Это меня взорвало, я схватила ноты с пюпитра, бросила их об пол и решила не играть эту оперетку. На шум пришел отец и, узнав в чем дело, заступился за меня.

— Ты уж очень много требуешь, она еще ребенок, как споешь, так и ладно, лишь бы не фальшивила.

— То-то и дело, что будет фальшиво, потому что бессмысленная передача—та же фальшь“.

Три дня мы репетировали только „Доходное место“, я не говорила с К. и решила не ставить оперетку, хотя страшно жалела об этом решении. Три дня он не был у нас, так как я не хотела учить роль. Отец стал сердиться (К. имел стол у нас, и платил отцу помесечно). Я сама сознавала, что виновата перед К., я всем ему обязана, наконец, обе пьесы идут в мой бенефис, и в обеих он играет главные роли, без него спектакль не мыслим. Что если он откажется? Отец намекнул на это, выбранил меня и ушел из дому. Обедать пришлось одной. Невыносимо скучно, стыдно сознавать свою невежливость... К. теперь будет наказывать меня на сцене; не обращает внимания, как я играю, я царю „кисло“, вижу, что он злится... и все этот проклятый куплет... Проплакав весь день, я принялась в сумерки его разучивать и добиваться всячески какого-то особенного в нем смысла, но кончила слезами. Спектакля как на зло не было в этот вечер, и я начала сожалеть, что поссорилась с К. и вывела отца из терпения. Ложась в постель, решила завтра на репетиции заявить Каратыгину, что оперетта пойдет в мой бенефис и как-нибудь сыграть ее. К. принял мое решение очень холодно и предложил мне поступать по усмотрению, обедать отказался, так как приглашен к Орловой, с которой он вздумал сыграть какую-

то новую пьесу. Я вдруг возненавидела всем сердцем эту Орлову, сама не отдавая себе отчета за что. Играла я вечером отвратительно и услышала выговор от режиссера (по жалобе К.) за капризы. Жизнь мне была не мила, и все этот проклятый куплет... У К. была привычка давать какое-нибудь название актерам, и у всех были свои клички. Меня он прозвал „Чижииком“ и перед выходом на сцену всегда давал „руку на счастье“ и еще раз напоминал слабые места роли. Теперь я ничего не слыхала, и „Чижиик“ шел петь с опущенными крыльями.

Бенефис приближался. К. стал опять обедать у нас, но, кроме насмешек, я ничего от него не слыхала, а учить роль вместе не смела думать. На мои вопросы относительно той или этой фразы, он отвечал: „Не знаю“, „как вам угодно“, „вы сами должны знать“, и мне дорого стоило удерживать слезы. Я похудела и пожелтела за эти дни, что приписывала хлопотам бенефиса. Все меня бесило, и в особенности—поездка к гу-

запрыгала на одной ножке. Через несколько времени К. простился со мной через двери, сказав: „До вечера. А куплет-то вы споете хорошо, Чижиик, я в этом убедился“. Костюм вывалился у меня из рук, долго я стояла на месте, ни о чем не думая, сердце сильно билось, а в ушах звенели последние слова К. Пришла горничная брать вещи, и я, усердно помолясь, отправилась в театр.

Как я играла Полину, не помню, не помню также, как получила цветы и часы (первый подарок на сцене), не помню даже похвал К. Потом это была моя лучшая роль.

Все мои мысли сосредоточивались на водевиле—как я сыграю мою роль. „Доходное место“ кончили, я переоделась, при чем страшно почему-то торопилась, и все как-то валилось с меня. К. устал от роли Жадова и антракт растянули, что усилило мое нетерпение. Наконец, он вышел из уборной блестящим красавцем, в нарядном костюме, и стал осматривать сцену.

Я показала себе невыразимо жалкая рядом с ним, забыв, что играю деревенскую служанку, и чуть не заплакала. Напрасно я ждала „руки на счастье“. Вместо ободрения моей робости, я увидела, как он подошел к Орловой и отвел ее в кулису, говоря ей что-то со смехом. В это время занавес поднимался и я начала пьесу куплетом:

Что так скучна Ливетта,
Что так бледна она...

Слезы стояли у меня в горле и застилали глаза. Хорошо, что публика рассаживалась по местам и не слыхала, как я ужасно фальшивила. Я чувствовала, что играть не в силах, а когда вышел К., я не решилась поднять глаз. По пьесе я должна быть робкой деревенской девушкой—служанкой фермы, которую хозяин принимает за дуру и потом влюбляется в нее; все, конечно, кончается свадьбой.

Судьба покровительствовала мне: и робость, и вялость были совершенно у места. Среди пьесы есть дуэт, где на его слова: „Я отдаю здесь приказания“, я отвечаю: „Я их готова исполнять“.

Теперь только я поняла, почему публика потребовала повторения этого дуэта. Тогда я приписала красивой музыке. Я, действительно, „исполняла его приказания“ и ходила по сцене, как очарованная. Публика приняла за „игру“ то, что я переживала в эти минуты.

Когда послышался аккорд знакомого „проклятого“ куплета, я без боязни начала его, хотя чувствовала откуда-то взгляд К. на себе. По мере того, как я говорила под музыку слова:

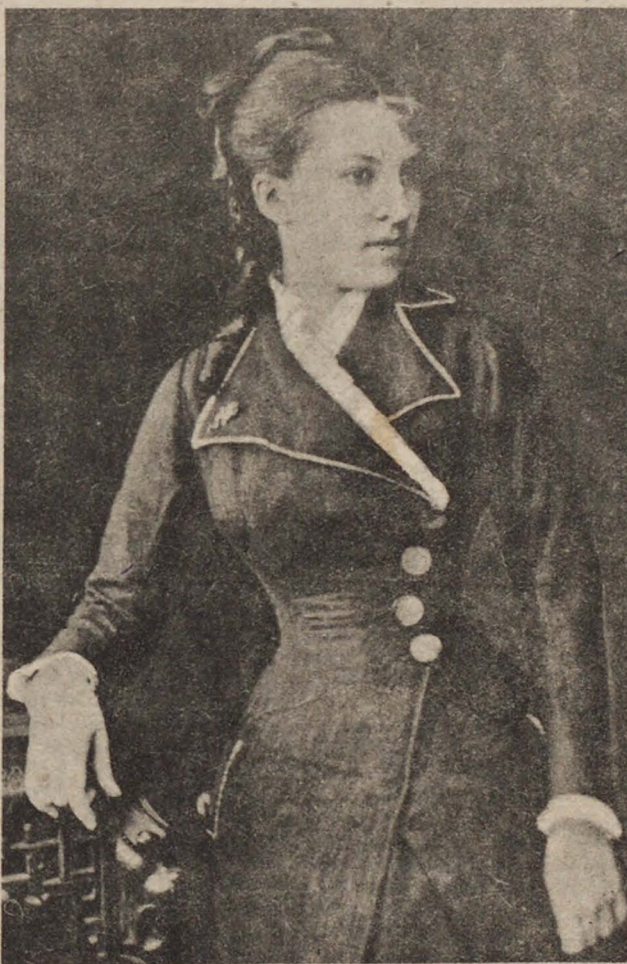
Лицо мое пылает,
Волнуется вся кровь...
Что же это предвещает...
Неужели любовь?

— лицо мое, действительно, пылало, и дрожала, как в лихорадке, и с ужасом, закрывая лицо руками, опустилась на стол...

Под звуки ритурнели и гром аплодисментов я поняла значение этого злосчастного куплета и ни за что, ни за какие блага не могла бы повторить его, несмотря на громкие требования публики. К счастью, К. должен был выйти на сцену и все произошло в должный порядок. Пьеса продолжалась, но смущения как не бывало, и я совершенно вошла в свою роль.

Бедный „Чижиик“ был влюблен в полном смысле этого слова, и это поняла публика. Чувство мое отражалось на моем лице так же, как и мои 15 лет. На другой день весь город знал об этом.

М. Савина.



М. Г. Савина. Неопубликованный портрет.
Репродукция С. Фридлянда.

бернатору: я была всем ему обязана, и надо было его поблагодарить и отвезти билет на бенефис. Я его не знала и приходила в ужас при мысли, что я там буду говорить. Ни новое платье, ни удивительная шляпка (для „Доходного места“) меня не радовали, все было противно, и вдобавок К. стал явно придираться на репетициях и задевать мое самолюбие, как бенефициантки, но спектакль шел своим чередом.

В день бенефиса, за обедом, он проговорился, что Орлова явно за ним ухаживает и что она „недурна“... Я чувствовала, как я краснела до ушей.

Когда мы встали из за стола, он протянул мне руку и сказал, что убежден в моем успехе сегодня и желает мне получить богатый подарок. От сердца немножко отлегло, я притворилась равнодушной, холодно поблагодарила его и ушла в свою комнату готовить костюм, а на самом деле посмотреть в зеркало, где отразилось такое счастливое лицо, что я по обыкновению

БЕЗНОГИЙ КАСПЕР

Рассказ Курта Клебера.

Алоиз Каспер не был человеком особенным. Он исполнял свои обязанности не хуже и не лучше, чем всякий другой. В течение тридцати лет он каждое утро уходил в свою шахту, и вечером усталый плелся домой. В том, что он бастовал, также не было ничего необычайного. Все бастуют. Неужели он один должен был выходить на работу?

Вечером он вместе с другими потащился на собрание. И там он не делал ничего особенного. Он пил свое пиво и разговаривал с соседом. В конце концов им все теперь было безразлично. Жизнь стала невыносимой. Что они должны были делать? Забастовка была по меньшей мере попыткой найти выход.

На следующее утро его позвали. Он должен был стоять в пикете. Он выполнил эту обязанность, как всякую другую работу. Несколько медленно, но зато добросовестно. Он был на месте точно, в назначенный час. А в полдень случилось это происшествие.

Рудничное управление хотело поставить на работу нескольких необходимых рабочих. Оно пригласило штрейкбрехеров. Несколько полицейских сопровождало их. Дело дошло до перебранки. Вначале на улицах. Затем у самих ворот шахты. Алоиз Каспер стоял далеко позади. Он даже не вмешивался в этот спор. И вот раздался выстрел.

Никто не хотел признать, что он стрелял первый. Ни полицейские, ни штрейкбрехеры. Но, как оказалось потом, это была пуля из винтовки. И она прошла насквозь через колено Алоиза Каспера. Он не упал сразу. Но все же его пришлось отнести в госпиталь. Там он пролежал шесть дней. Сестры милосердия были отнюдь не милосердны. И ему хотелось скорее снова попасть домой.

Но они раньше, чем отпустить его, отрезали ему ногу до самого колена. Они хорошо перевязали ему рану и положили еще на два дня. На третий день два товарища его впряглись в маленькую тележку для развозки картофеля и перевезли его домой.

Когда он снова очутился в своей комнате, он почувствовал себя лучше. Он вытянулся во всю длину, нога горела, но он пытался думать. Каждая мысль начиналась с отрезанной ноги. Он при этом не распускал юны. Ногу, правда, отрезали. Он не мог свяknуться с мыслью об этом. Но зато все в нем изменилось. Многие стало для него ясным.

Они жили в голоде. Потому-то они и забастовали. Это было их право — бастовать по этому поводу. Но почему же рудничное управление пригласило штрейкбрехеров? Почему их сопровождали полицейские? Почему они стреляли? Где-то здесь таилась несправедливость. Он настойчиво искал виновного.

Он всех перешунал. Может быть, они сами? Нет! Может быть, штрейкбрехеры? Одного из них он знал. Он жил с тремя детьми в подвальной конуре и всегда голодал. Может быть, виноваты полицейские? Может быть, по их вине послали. Может быть, директор? Или рудничное управление? Его глаза засверкали. Может быть, сама шахта? Он присел. Кто-то был виноват. Но кто именно, — этого он никак не мог решить.

Одно все сильнее утверждалось в нем: они должны продолжать забастовку. На этот раз они должны во что бы то ни стало одержать победу. Они не должны спускаться в шахту, пока все не станет ясно. Пока не обнаружится виновный. Эге, тогда он уже рассчитается за свою ногу.

Чем они собственно были? — Он поднялся еще выше. — Полуповешенными! Они все

время висели, точно они родились на виселице. Но их не повесили сразу, в один день, — их вешали в течение всей их жизни. Раскачивали то вниз, то вверх. И в самом деле, разве эта шахта не настоящая виселица?

О, они там хорошо знают, как надо вешать! Они ежедневно оставляют им ровно столько силы, чтобы они на следующее утро снова могли полестись туда. О, — он совершенно выпрямился, и глаза его засверкали, — теперь должно стать иначе! Все они сидят дома. И никто не пойдет снова туда, пока там не станет лучше.

Это его немного успокоило. Это сделало его более тихим. Это дало ему возможность забыть даже свою больную ногу.

Изредка заходила Клара, его жена. Она была большая, как лошадь. Она рассматривала калеку. Она не ворчала и не причитывала. Но она и не была нежна. Только на четвертый день она сказала ему, что у нее нечего больше варить.

Калека этого не ожидал. Он прищурил глаз и задумался. Значит, они должны умереть с голоду? И голод уже начался? Что же будет с забастовкой? Эта мысль пронизывала мозг, но он пытался улыбаться.

— Может быть, они дадут тебе мою ногу там в больнице, — даже пошутил он.

Тогда из глаз женщины по щекам струей, как вода, полились слезы. Она схватила его за плечи. Она хотела прижать его к груди. Она хотела даже сказать ему ласковое слово. Но она не могла найти его.

— Они бастуют еще? — спросил он, чтобы успокоить ее.

— Да, — ответила она. — Но уже не все. Наши также собираются завтра пойти на работу.

Это поразило его, как удар. Одну минуту он сидел неподвижно. Глаза еще смотрели из глубины орбит, а нижняя губа повисла так, как будто ее подсекли. Нога снова начала болеть. Ему казалось, что его прокалывают тысячами иголок. Он завизжал, как собака, которой наступили на ногу.

Вечером пришли товарищи. У них были измученные лица. Они сели вокруг его кровати, точно плакальщики. Никто не раскрывал рта.

— Значит, вы снова хотите начать работу? — начал Каспер, чтобы облегчить им дальнейший разговор.

— Да, — жаловался молодой Леман, — завтра забастовка прекращается. Около 400 человек уже приступили к работе. Если мы не присоединимся к ним, нам уже вовсе никогда не попасть в нашу дыру.

Он им ничего не ответил. Только громко крикнул: „Собаки!“ Плюнул и повернулся к ним спиной. Лица у них стали еще грустнее. Они медленно встали, кашлянули несколько раз, но увидев, что он не оборачивается, понялись к выходу.

Часов в десять вечера снова зашла Клара. Но он все еще лежал повернувшись к стене. Его грудь равномерно поднималась, и она подумала, что он спит. Она медленно направилась к двери.

Калека лежал на подушке, точно в пытке. Боли пожирали его, а глаза в своих орбитах превратились в горящие уголья.

Кроме того, он был охвачен яростью. Меньше всего из-за своей ноги. И даже не потому, что завтра прекратится забастовка. Нет! Мысль о том, что каждая забастовка вообще должна раньше или позже прекратиться, что каждая забастовка кончается поражением, — эта мысль пожирала его, пронизывала его до мозга, приводила его в бешенство.

Он подумал о прошлом. Всегда одно и то же. Они всегда жили, как собаки. Вилля хвостиком, лезли снова в свою дыру, в эту

шахту. Неужели это неизбежно? Что они, проклятые, что ли? Неужели эта шахта их судьба? В своей ярости он сильнее расстривал свое сердце этими вопросами. Он не обращал внимания на ужасную боль в горевшей ноге, пока не истощило терпение и он вынужден был испустить громкий крик.

Внезапно пришла в голову мысль. Может быть, все они и не подозревают, что висят на веревке. Может быть, они еще не знают, что ежедневно добровольно спускаются в ад, который их поедает, который выжимает из них соки, который превращает в своих рабов. Конечно! — Его глаза разгорелись. — Так оно и есть! Он должен их предупредить.

Но когда? Не пойти ли ему сейчас же к ним?

Теперь он ругал себя за то, что так бессмысленно оттолкнул тех, которые пришли к нему. Он должен был их подбодрить. Он должен был с ним поговорить о забастовке. Сказать им все, о чем думал. Застанет ли он их теперь дома?

Вначале он хотел подняться, но сейчас же снова упал на кровать. Ему пришлось на ум нечто лучшее. Завтра утром, когда они все — и молчаливые, и кричащие — побредут к своим шахтам, когда они захотят спуститься в свои норы, — он станет им на дороге, он обратится к ним с речью, он расскажет им обо всем. Да, он это сделает! О, о! — И он хотел бы увидеть того, который после этого полезет в свою проклятую дыру.

При этой мысли он громко рассмеялся. Это решение не оставляло его ни на одну минуту. Оно заставило его прободствовать всю ночь.

Когда по дому разнесся звон будильника, он снова был уже бодр. Он поднялся. Он отыскал свои брюки, надел их и хотел встать. Половина ноги торчала, как чурбан. На другой же он смог добраться только до дверей. Он нашел там метлу и оперся на нее. Он открыл дверь. Спускаться по лестнице было труднее. Дверь, которая вела во двор, была еще заперта. Он тихо открыл ее. Она заскрепела, когда он открывал ее.

А когда он вышел на двор, он робко оглянулся. Нет, никто не заметил его. Он заковылял дальше. Раньше через двор. Как странно висеть так — между ногой и метлой. Но у него не было времени, чтобы раздумывать об этом.

В глубине двора он отшвырнул несколько досок, лежавших на пути. Он пробрался дальше. Там была громадная мусорная гора. Он хотел взобраться наверх. С его метлой это было невозможно. Слишком высоко и круто. Но он не повернул обратно. Он упал на руки и стал ползти. Это было трудное дело. Часто он стонал от боли, как раненый зверь. Но он хотел во что бы то ни стало взлезть наверх. Наконец ему удалось добраться до вершины этой мусорной горы.

Еще только светало. Все покрывал туман. В том числе и рудник, который был там, за горой.

Он должен был снова стать на ноги. Дело подвигалось туго, он все падал. Когда он, наконец, поднялся, он заметил, что из ноги течет кровь. Он взглянул на ногу, — кровь просачивалась через повязку. Он оставил позади красные следы. Это вызвало досаду на самого себя, тем более, что рана горела огнем. Но он сжал зубы и проковылял еще несколько шагов вперед.

Вдруг ему стало холодно. Здесь наверху дул резкий ветер. Он свистел вокруг него, как будто старался его опрокинуть. Когда первая морозная дрожь пробежала по телу, он снова почувствовал досаду.

— Несчастный чурбан! — проговорил он и стал ругать самого себя.

По от этого легче не стало. Все-таки он напряг усилия и пробрался на другую сторону насыпи.

Рудник лежал как раз напротив него. Туман закрывал его большинство строений. Только некоторые башни и огни выделялись из тумана. Они, казалось, смотрели на него, разглядывали его. Он уперся здоровой ногой в землю, оперся рукой на метлу и решил так ждать.

Оставалось еще много времени. Позади него, в домах, еще слышен был звон будильников, поднимающих народ. Но кое-где уже раскрывались двери, звенела посуда.

Теперь и рудник вырисовывался яснее. Он вырос из тумана. Калека злобно посмотрел на него. Сразу погасли все огни. Люди начали шмыгать туда и сюда. Понимались удары молотков. Колесо на башне начало вертеться. Рудник проснулся.

Калека вытянул вперед голову, чтобы лучше видеть. Вот открыли и большие ворота. Раскрыли этот проклятый хлев, чтобы гнать в него скот. О, как он теперь ненавидит эти шахты!

Позади, в домах, шум становился громче. Голоса звучнее. Теперь они, вероятно, допивают свой кофе, а затем выйдут на улицу и и поплутуют сюда.

Рудник, казалось, также чувствовал его ненависть. По крайней мере, ему так казалось. Вначале строения строили ему гримасы. Вдруг они стали выпуклыми и двинулись на него. Он уже чувствовал их близость. Он видел уже, как у башен образовались широко раскрытые пасти, железные столбы казались ему руками, которые стремились схватить его. А трубы гудели и ревели, как будто хотели свести его с ума.

Но он не испугался. Лицо его только больше насушилось. Он готов был с кулаками броситься на это чудовище.

— Эге! — бормотал он. — Тебе мало того, что ты сделал со мною. Тебе хочется, чтобы мне отрезали и вторую ногу. Ты хочешь целиком сожрать меня. Тебе хочется, чтобы я совсем погиб!

И голос его становился все яростнее. Он все злобнее сжимал кулаки, направленные к руднику. Но вот рудник снова с'ежился. Он стал маленьким. Он принял свои естественные размеры. Калека торжествовал.

Но вот ветер снова зашвырянул. Он сжал рассеявшийся туман и дунул им на старика. Бесконечными лохмотьями обвил он ноги калеки, толкал его то в одну, то в другую сторону, и чуть было не свалил его. Калеке было слишком тяжело держаться на одной ноге. Но он не терял духа. Он даже стал ругать самого себя:

— Несчастная собака! — говорил он. — Калека несчастный! Метла, а не человек!

По от этого легче не стало. Он терял все больше крови. Место, на котором он стоял, было уже совершенно красно.

Но вот он услышал за собой шаги.

— Они идут! — тихо процедил он сквозь зубы и облегченно вздохнул. Да, они подходили. Сперва слышались одинокие шаги. Затем они смешались с другими. Наконец, превратились в беспрестанный топот. Калека обернулся и стал смотреть на подхо-дивших рабочих

— Они еще за домами, — пробормотал он.

Топот становился все громче. Изредка он звучал резко, но затем снова становился глуше. Шаги были ползучие, точно люди двигались не по своей воле, а их тащили. Наконец, шаги стали яростными.

Эта яростность ударила в мозг старика. Она расстраивала его. Это было слишком громко. Он знал причину этой ярости, он знал, что толкало их сюда. Он увидел вдруг эти сотни ног, тащившихся к шахтам, подгоняемых все усиливающимся свистом парового котла. И что они тащили сюда? Исхудалое тело. Проголодавшийся желудок. Лицо бледное, бескровное, еще более усталое, чем раньше.

Вот стали видны первые. Они вынырнули из-за домов и, почти шатаясь, проходили мимо насыпи, на которой он стоял. Он еще

не различал лиц, но он видел, как изумительно маленькими и сгорбившимися стали они. Были ли это вообще люди? Они ведь ползли. Головы свесились вниз, а руки раскачивались, точно были едва прикреплены к плечам. Некоторые шли в одиночку, другие группами. По два. По три. Толпою.

Несмотря на свою слабость и сильную боль, которые он чувствовал все сильнее, он еще пристальнее смотрел вниз. Что-то сильно тронуло его в фигурах этих людей. Их раскачивающиеся руки напоминали ему его собственный обрубок, а шли они шатаясь, точно и каждому из них отрезали ногу. Во всех движениях этих людей чувствовалась крайняя беспомощность.

Он понял теперь снова всю притягательную силу шахты. Точно пьявка, стояла она там, в конце улицы. Громадная, безобразная, могущественная, протягивала она свои руки над всей окрестностью. И эти люди подчинены ее силе, как был подчинен ей и он сам. Не только сегодня, не только вчера или завтра, — всегда! Каждый день должны они спускаться в ненасытное чрево ее. Каждый день должны они окунаться в ее шум. И никто не может удерживать их. Молодые, пожилые, старики — все они должны ежедневно совершать свое паломничество к этому каменному идолу.

И теперь он знал также, почему они несчастные и бедные. Почему они живут такой жизнью. Почему они все безоговорочно подчинены этой шахте и этой жизни. Они ведь очень маленькие. Уже в течение многих поколений. Они с каждым днем становились еще меньше. Рудник наседали на них. Глубже втапливал их в землю. Все больше сгибал их спины. Отнимал у них все — и даже достоинство.

Он хотел закричать, когда пришел к этому выводу, хотел зареветь. О! Но вдруг лицо его стало ясным и просветленным. Ведь есть еще спасение. Вот он спас уже самого себя. И сейчас наступит момент, когда он начнет свою речь к остальным. Он будет предостерегать их. Он бросит им в лицо всю правду. Он раскрыв уже рот. Уже зашевелились губы его. Слова уже готовы были сорваться с губ. Но они точно застряли в горле.

Вначале он хотел проглотить их, как слишком большой кусок хлеба. Он покраснел и посинел от этих усилий. Затем он с'ежился. Нет, это, поистине, удивительно, что он не может ничего сказать, не может даже кричать. Может быть, это потому, что он слишком сильно дрожит. Очевидно, он слишком слаб. Все силы, казалось, оставили его. В голове у него закружилось. Он только машинально повернулся к шахте.

В этот момент первые рабочие должны были появиться из-за насыпи. Вернуть к рудничным воротам, дать им снова поглотить себя. Шедший впереди уже показался. Это был молодой молотобоец. Вслед за ним показались другие. Он знал почти всех. Четвертый был его приятель. Как он весь пожелтел! Здорово голод взял его за живое! Как медленно он шел! У него было пятеро детей.

Калека снова высунул голову вперед, чтобы лучше видеть.

Теперь подходила целая толпа. Здесь был толстый вагоновожатый, который первый настанав на забастовке. Бледный Натан, который говорил, что лучше умереть с голоду, чем вернуться к работе за прежнюю плату. Капляющий Грабовский, у которого нехватало трех пальцев. И все они шли туда, точно эта шахта сидела у них на шее и подгоняла их. Шатались, покачивались, но все же шли.

Он хотел окликнуть их. На этот раз голос даже не изменил ему.

— Эй, эй! — закричал он и сделал попытку выпрямиться, опираясь на единственную ногу и метлу.

— Эй, эй! — закричал он еще громче, пока первый не заметил его.

— Вернитесь! — кричал он теперь изо всех сил. — Вернитесь по домам! Бастуйте дальше!

Они, казалось, не понимали его, а он еще больше вытянулся и кричал еще громче!

— Разве каждый из вас не получил еще своей порции? — Его голос был теперь очень резок. — Разве вы еще недостаточно сгорбились? Неужели вы позволите, чтобы вас продолжали вешать? Неужели вы хотите вечно торчать в этой дыре? Вечно тянуться к этому месту пыток? Вечно умолять о работе?

Некоторые остановились и смотрели на него.

— Это Алоиз! — сказал один из узнавших его.

— Да, — сказал другой. — Они отрезали ему ногу.

— Чего же он хочет? — спросил третий.

— Он кричит что-то нам, — ответил первый.

Они пытались прислушаться к его словам, но калека потерял голос. Слабость снова наступала на него. Он зашатался.

Но он пристально смотрел на собравшихся. Стоявший впереди был дядюшка Боннеман, которого с'едал туберкулез и который по целым дням плевал кровью. Возле него стоял старик Крюгер, которому упавшая глыба так ударила в спину, что он едва еще ходил. А за ними стояли два Вундерлиха. Рослые, крепкие парни. Их дедушку убило в шахте, отца — тоже. Они, наверно, будут лезть в эту дыру до тех пор, пока и их не убьет.

Старик снова почувствовал жалость к этим людям, когда он глядел, как они стоят внизу, согнувшись в три погибели, с опущенными головами. Глаза их устремлены на него.

— Точно идут на смерть, — подумал он.

И он попытался еще раз крикнуть им.

— Домой, домой должны вы вернуться! — с трудом процеживал он сквозь зубы. — Бастовать! Бастовать! Пока вам не дадут возможности кое-как жить. Не идите туда. Не спускайтесь в этот ад. Лучше голодать! Голодать! Голодать!

Пена стояла на его губах, и последние слова были более похожи на стоны.

— Он прав, — воскликнул один, который разобрал его слова.

— Что он там кричит? — спросили рядом.

— Он говорит, что мы должны продолжать забастовку, — ответил дядюшка Боннеман.

— Продолжать голодать? — злобно бросил четвертый и пошел к воротам.

Многие пошли за ним.

Калека видел это.

— Вернитесь! — снова закричал он. — Вернитесь!

Но теперь он уже, действительно, не мог больше говорить. В этот момент раздался гудок. Заскрипели подъемники. Все это заставило стоявших внизу людей поторопиться. Что-то толкнуло их вперед.

И чего в самом деле хочет этот безногий наверху? У него, видно, винтики в голове распались. Не сошел ли он с ума?

— Ему легко говорить, — пробормотал молодой паренек. — Хочет нас отговорить от работы, потому что сам больше работать не может.

Некоторые согласились с ним. Движение по направлению к воротам становилось сильнее. Задние направили.

Калека совсем побледнел, когда он увидел их, стремившихся вперед через площадь к шахте. Что он мог еще сделать? Броситься вниз? Своим телом загорodить им дорогу?

Было уже слишком поздно. Первые были уже поглощены чревом шахты. Следующие уже входят в ворота. Ему не удастся удерживать и последних.

Что же ему, вообще, делать теперь? Он чувствовал все большую слабость. Здоровая нога также начала дрожать. С каждой минутой он все больше терял сознание. Только рука еще цепко держалась за метлу. Голова его опустилась вниз. Он похож был на распятого.

П Р А З Д Н И К

Из записной книжки

Чем выше поднималась дорога в горы, тем становилось теплее, и солнышко грело ярче. Туманы и слякоть оставались внизу, у Каспийского моря. Заботливо нахлобученные на нас дагестанскими товарищами бурки и башлыки становились бесполезными. Эта поездка весной по Дагестану совершенно опрокидывала привычные представления. Всегда думалось, что чем выше в горы, тем холоднее и пасмурнее. А мы, наоборот, из хмурых долин поднимались в солнечную страну.

В одном из высоких горных аулов (Цудахара) мы застали большое оживление. Народ собрался у дороги и чего-то ждал. Оказалось, что мы попали на народный праздник „первой борозды“. Начало весенних полевых работ дагестанцы привыкли ознаменовывать веселыми народными празднествами. Особо почетному гражданину поручается обществом провести в поле первую борозду. После этого весна „объявляется открытой“. Здесь в горах сохранился еще трудовой производственный характер праздников, наряду с праздниками религиозными. К производственному характеру праздников перейдут, без сомнения, все народы СССР. Уже сейчас намечается „праздник урожая“ в деревне. Скоро и в городах мы будем праздновать, вместо рождества и пасхи — День Металла, День Электричества, День Книги.

Когда первая борозда была благополучно проведена в присутствии народа почетным пахарем, началась вторая часть праздника: спортивно-увеселительная.

Тут же, на шоссе, в изрядной пыли образовался круг. Запела зурна, весело выстукивал ритм пляски своеобразный барабан. Танцоры не заставили себя ждать. На середину круга легко вылетает то один, то другой танцор. Едва он сделает несколько движений, как к нему плавно выплывает навстречу партнерша из кучки женщин, сгрудившихся в одном уголке. Сначала женщины сидели на плоских крышах жилищ, но при первых звуках зурны они быстро спустились вниз.

Одна пара сменяет другую. Без толкотни, без суетливости, без ухарства, но и без жеманной внешней церемонности, с какой-то приятной сдержанностью и достоинством вступает каждый в пляску. Никого не приходится упрашивать танцевать, но никто и не мешает друг другу.

Танцуют молодые хлопцы, танцуют почтенные старики. Вот секретарь ячейки, стройный подтянутый юноша, с револьвером на боку, а вот пожилой кустарь-медник. Один за другим. Женщины в длинных до земли платьях грациозно плывут по кругу, точно под ногами у них паркет, а не пыльное шоссе. Танцуют, подбадривают танцующих мерными всплесками ладоней, изредка сдержанно выражают удовольствие возгласами.

Наконец, танцы сами собой кончаются. Под звуки барабана со знаменем выходит отряд местных пионеров и выстраивается на дороге. Звонкими голосами поют на родном языке какую-то бодрую боевую песню, и звуки далеко разносятся по горам. С гор прибывают все новые участники праздника — жители соседних аулов. В предстоящих состязаниях обещают принять участие и припленные люди.

Начинаются скачки на лошадях. Единственно пригодным для скачек местом оказывается небольшое кукурузное поле одного гражданина, прилегающее к шоссе. Это поле и превратилось в стадион. Поле имело очень покатый характер, но это никого не смущало.

Вывели лошадей. Очень невзрачные, на вид совсем убогие животные. нас изрядно удивили манипуляции одного горца. Он брал ногу своей лошади, вытягивал и сгибал ее всякими способами. Понурая тощая лошадевка покорно отдавалась его движениям. Однако, именно эта лошадь взяла первый приз. Дистанция была дана довольно большая, и джигиты делали много кругов, появляясь перед глазами зрителей и снова исчезая. Чем ближе подходило к концу, тем оживленнее выражали свое настроение зрители. Выяснялись симпатии и родственные (кунацкие) чувства к тем и другим. Однако, все это изумительно корректно и выдержанно. Распорядителю

праздника почти не приходилось хлопотать над поддержанием порядка.

С достоинством подходил победитель на скачках к столу за призом. Ему, помимо приза, вручался в руки небольшой красный флажок, и он торжественно двигался перед глазами зрителей с флагом в руках, сияющий, но сдержанный. Через некоторое время лошадь-победительница исчезла и появилась в преображенном виде. Вся она увешана большими кусками шелковой материи, парчи и красивыми платками. Это — друзья (кунаки) одалили победителя щедрыми подарками. У одного ездока друзей побольше и они побогаче. Лошадь его пышностью тканей поспорит с праздничным облачением любого архиерея живой и мертвой церкви: столько на ней шелку, парчи и золотых блесток. Другие украшены поскромнее. Женщины внимательно рассматривают подарки и вполголоса высказывают свои суждения.

После скачек — молодые бегуны. Что ни бегун — своя индивидуальность. Один сразу срывается с места, напрягая все силы. Другой бежит ровненько, с прохладцей, успевая бросить шутливое словцо, когда пробежит мимо приятелей. Он не смущается, если его обгоняют другие. Только пробежав половину дистанции, он начинает прибавлять ходу, когда другие уже выдыхаются, а некоторые даже сошли с круга. Подбегая к финишу, он издает торжествующий клич и берет первый приз.

Затем бегут подростки, потом маленькие мальчишки. Публика смотрит с неослабным вниманием. Совершенно неожиданно для нас объявляется о начале боя быков. Мы подходим к месту боя. Тот же круг, что и для танцев. Приводят быков. Вернее, это молодые бычки. С каждым быком — его владелец. Вот выводят одного. Он живописно пригибает голову к земле и высматривает противника. Появляется противник. Начинают медленно и настороженно сходить. Как будто и не глядя друг на друга, а на самом деле — не спускают глаз. Стоит одному — сделать чуточку более резкое движение, как противник бросается на него. Сплетаются рогами. Тяжело дышат. Наливаются кровью глаза. Первые удары рогами. И вдруг один из бойцов внезапно поворачивается и постыдно покидает поле битвы. Его провожают насмешками. Входит другого, но тот и вовсе ступенькается: не выдерживает даже взгляда противника, боится к нему подойти и тоже позорно удаляется. За ним с таким же результатом и третий.

Возникает даже спор: является ли первый бычок победителем, поскольку настоящего боя и не было? Владелец



Танцуют и старики.



Нравы растеряевой улицы.

Фот. С. Фридлянда.

В ГОРАХ

Ж. И. Сосновского.



Праздник „первой борожды“.

Бычка протестует: разве он виноват, что противник сбежал? Значит, тот слабее и должен быть признан побежденным. Тем более, что непобедимого бычка он привел за 30 верст с гор. Дело как-то улаживается.

Потом в программе праздника — бой собак и петухов. День идет к закату. Мы проходим по аулу. Люди возвращаются к обычному труду. Стучит молотом медник, делающий тазы. Кузнец куёт кинжал. Сидя на полу, прямо на дороге, под открытым небом, ткёт шерстяную ткань старая женщина. Старый серебреник чеканит узорчатые самалью пряжки для поясков. День клонится к закату. Завтра наступят обычные будни.

Когда мы с Зоричем покидали этот аул, у нас как-то одновременно вырвались сравнения и сопоставления с нашими российскими праздниками.

Конечно, дагестанские горцы куда менее культурны, чем коломенские металлисты и орехово-зубовские ткачи. В Дагестане многие народности еще не имеют своей азбуки, а грамотные вообще не очень многочисленны в аулах. Но вот вам весенний праздник без пьянки, без матерщины, без драк и прочих безобразий. Ну, положим, что трезвость коренится в религиозном запрете. Но грубость, ругательства, драки, поножовщина, без чего не обходится ни один наш большой и малый праздник, — ничего этого здесь не случилось. Нас поразило проникавшее весь праздник какое-то общее чувство собственного достоинства, выдержка, упорядоченность, отсутствие беспорядочной толчеи, к чему мы издавна привыкли на многих наших праздниках. И еще одно: очень корректное отношение к женщине. Никакого лапанья, щипков и прочих признаков „ласки“.

Вот вам и дикие отсталые горцы, вот вам и пылкая южная кровь, и поголовная вооруженность!

Вернулись в Москву и читали печальные отчеты в газетах о том, как проходили пасхальные дни в столицах и других промышленных центрах. Пьяный угар, дебоши, бесчинства, поножовщина — и все это при

наличии мощных культурных организаций, при сравнительной доступности всяких культурных возможностей развлечься и приятно провести дни отдыха.

И после дней праздника — еще дни похмелья, прогулов, безденежья и прочих неприятностей.

Так вот и совмещается одно с другим. Громадная политическая зрелость и изрядное повышение культурности за годы революции с безобразными „правами растеряевой улицы“. А там, в горах, вековая отсталость, почти полное отсутствие внешних признаков культуры — совмещается с какой-то внутренней культурой.

Мы слишком мало знаем о быте наших народов,

и часто судим очень поверхностно об уровне их культуры — вот что надо помнить. Не все то золото, что блестит.

Л. Сосновский.



Раздача призов.



Юмореска Б. Левина. Рисунки К. Ротова.

Курьер Степан Дорожкин в отпуск пошел в конце августа. Получив жалование за две недели вперед, он восемнадцать рублей отдал жене, восем с полтиной истратил на коричневые ботинки и платице своей шестилетней дочке, на остальные деньги купил на Болоте ящик груш „дюшес“.

И на следующее утро с корзиной золотистых груш, завернутых в папиросную бумагу, присоединился к бесплатным торговкам и торговцам. В первую половину дня Степан чувствовал себя очень неважно. Ныли бока от толкотни и гудело в голове от звонких выкриков: „Липкая бумага для мук!“ „Давай, давай, французские сливы!“ „Иголки для прочистки примусов!“ „Пирожки, кому пирожки!“ „Ха-ра-ши яблоки!“

С непривычки собственное зазывание — „груши дюшес, груши“ — казалось ему беспомощным детским лепетом. Если он в этот же день не попал в руки милиционера, то только случайно, но зато торговцы его здорово разругали и возненавидели надолго. Дело в том, что, кроме милиционеров, Степан опасался еще сотрудников своего учреждения. Заметит издали какого-нибудь гражданина в синей толстовке с портфелем, — срывается с места, и рысью по мостовой, а за ним шарахались табун и врассыпную бежали торговцы и торговки, полагая, что действительно угрожает какая-либо опасность. Вначале не замечали виновника паники, но после пятого раза на Степана обрушились: „Дурак, полумный!“ А какая-то низкорослая торговка курами подошла к Степану и строго сказала:

— Если ты еще хоть раз, чорт плюгавый, будешь пугать, я все твои дули пошвыряю.

Неприятности этого дня еще больше увеличились, когда Степан обнаружил, что кто-то всучил ему царский гривенник. Он нехорошо выругался и с остервенением посмотрел на свои „дюшес“, как будто это были не груши, а желтые гадючки...

Через два дня он уже громко и уверенно выкрикивал:

— Вот груши дюшес! Хороши груши!

И больше не бегал сломя голову от каждой синей толстовки.

А еще через несколько дней он уже ничем не отличался от других торговцев...

День был веселый. В синем небе солнце, как огромное антоновское яблоко, горело. На углу обворванцы продавали белые, золотые курявые цветы. До конца отпуска оставалось еще три дня.

— Две недели пролетели незаметно, а у меня, гляди, вот продам эту корзину груш, и червончик чистенький останется...



В бане вымоюсь и денька три еще погуляю, — мечтал Степан и громко выкрикивал: „Дюшес, дюшес! Груши, груши!“

А рядом с ним на тележке лежали, как куропатки, душистые дыни. И хозяин их — еще громче:

— Дыньки! Дыньки!

— Груши дюшес! — перезванивал его Степан. — Груши... — и осекся. Он почувствовал как что-то сдавило ему горло и высохли губы. А если кто-нибудь в этот момент посмотрел бы на лицо Степана, то увидел

бы, как его из черной масти перевернуло в переспелый помидор. Напротив стоял управделами и торговал яблоки:

— Почему ранет? — услышал Степан такой знакомый и такой жуткий для него голос.

Он неожиданно оторвался с места и кинулся бежать по мостовой. За ним шарахнулись табун торговцы и торговки. Степан не слышал, как через минуту они его ругали за напрасную панику и грозили обломать бока. Ему было все равно. Он смотрел вслед уходящему управделами и губы его безнадежно шептали:

— Пропал, пропал. Уволит меня теперь, уволит. Выгонят с позором.

И еще неожиданней для окружающих он кинулся крупной рысью наперерез управделами. Обогнал его. Подождет его за углом и выйдет к нему навстречу, широко улыбаясь:

— Здравствуйте, товарищ Афанасьев. А я из отпуска... Сегодня приехал...

— Ну, — сказал безразлично управделами.

„Прикидывается, будто ничего не знает“, подумал про него Степан и продолжал:

— Сегодня вернулся. Хорошо отдохнул. Только скучно в деревне, — ни тебе газет, ни собраний... Зато вот груш там до чорта. Я и для вас вот корзиночку привез.

— Что вы, зачем! — смутился управделами.

— Нет, уж вы не отказывайтесь. Думал прямо вам на квартирку доставить, а гляжу — сами идете.

— Что вы, что вы! Да они, небось, деньги стоят.

— Какие там деньги! У нас ими свиней кормят. До чорта их уродило.

Для вас специально отбирал... Донесете? Или на извозчике? Только корзиночку мне сохраните.

И управделами, еще раз поблагодарив Степана, вместе с грушами уехал.

Степан возвращался домой мрачный. Случайно обнаружив в кармане завернутую в папиросную бумагу золотистую грушу „дюшес“, он шмякнул ее об мостовую.

Б. Левин.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ПОДПИСКИ НА ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИК К ДЕСЯТИЛЕТИЮ ОКТЯБРЯ „10 ЛЕТ СОВЕТСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА“

В сборнике: Я. А. Яковлев — От Февраля до Октября; А. И. Рыков — Социалистические моменты советского хозяйства; Ф. Ф. Раскольников — Партия за 10 лет; В. В. Шмидт — Пролетариат СССР; А. П. Серебровский — Советская промышленность; В. П. Милютин — Советская деревня за 10 лет; Я. С. Ганецкий — Товарообмен; Ю. А. Ларин — Частный капитал и государственное хозяйство; В. А. Обух — Охрана здоровья трудящихся; Я. М. Шатуновский — Энтузиазм труда; Р. Л. Самойлович — Естественные богатства СССР; П. М. Керженцев — Культура Советского Союза; А. Н. Бах — Наука после Октября; А. В. Луначарский — Искусство в СССР; Б. Е. Штейн — Наши международные отношения; Я. Х. Петерс — Защита революции; С. С. Каменев — Красная армия; П. Н. Лепешинский — Ушедшие; М. Е. Кольцов — 10 октября.

Сборник подводит итоги достижений во всех отраслях народного хозяйства и является ценным руководством для изучения советской страны.

Цена сборника по предвар. подписке в переплете (I изд.) — 2 р. То же в издании коленкоре (II изд.) — 2 р. 50 коп.

После выхода из печати цена будет повышена. Заказы направлять: Москва 9, Тверск. бульв. 26, Из-во „ОГОНЕК“



Газовая атака.

БОЛЬШЕВИСТСКИЕ МАНЕВРЫ

В мирном, рабочем городе — целый вооруженный батальон. Обыватель встревожен, на минутку он растерялся и не знает причины такого небывалого события. „Чу, опять скоро война“, — крестьяне шепчут старушонка. „Чу, опять война“, шепчет обывательская подворотня. Молодежь рвется в ряды войск, матушки и батюшки их на ухо предостерегают: „Не ходите, детки, ведь обучат, да и на фронт пошлют, к тому дело идет. Ведь Польша с Англией уже войну объявили“. Все, что есть здорового в городе, смеется над этими обывательскими толками.

— Война, действительно, будет, — только не на польской границе, а в городе Юрьеве, и по возможности без жертв! — так затаенно... про себя, чтобы не выдать секрета

ЗОЛОТО и КРОВЬ



Искры окопами поля Франция снова превратилась в пастбище и возделываются крестьянами. При полевых работах крестьяне часто находят в земле — там, где раньше были окопы — осколки гранат, котелки, солдатскую утварь и т. д. Забыли об ужасах прошлого и не задумываясь над возможным будущим, французские крестьяне преспокойно наживают деньги на этом своеобразном виде экспорта. Туристы и, в особенности, путешествующие американцы охотно покупают у крестьян эти сувениры о мировой войне.

военной игры, думает каждый участник предстоящего боя.

На городском стадионе собираются все войсковые соединения.

Объясняют цель военных занятий, и обыватели, в изобилии присутствующие при этом, облегченно вздыхают. Эта война для них не опасна, они даже довольны, они обещают простоять целые сутки и смотреть на это небывалое зрелище.

Вот „войска“ расходятся в противоположные направления, впереди несут знамя части, сзади санитарные тачанки и агитповозки.

Рота синих идет в село Ильинское, на расстоянии двух верст от города, красные идут в село Кумино, на расстоянии 5 верст от города. Роты сопровождаются на далекую окраину городским населением. Синие под видом дружеской информации пытаются узнать у красных боевую задачу. Красные, видя уловку синих, дают заведомо ложные сведения. Синие используют все средства включительно до шпионажа.

В селах, куда прибыли части, население было заранее оповещено. Собралось все живое и могущее передвигаться. С вытнутыми шеями осматривают солдат, слушают их речи, шутят, у окон выставляются ведра с водой для питья. Матери, потерявшие сыновей в гражданскую войну, проронили несколько скупых слезинок. В Кумине я видел, как одна крестьянка с кувшином в руках обносила квасом красных. Листовки, изданные Укомом и УИК, расхватываются быстро, всюду исключительно сочувственное отношение.

Разведка донесла, что противника в городе и прилегающих к нему местностях нет. Тогда командир отдал приказ рассыпаться в цепь и немедленно ворваться в город, захватить стратегические пункты, выставить заставы часовых, а частям занять северо-восточную часть города.

Синие действовали организованно: город был взят быстро, без промедлений, штаб роты помещился на красильной фабрике, все мосты и переправы через реки были заняты синими, все подходы к городу были заняты и защищены пулеметами.

По склону горы, между полей, межами, рубежами, длинной лентой потянулись красные; под прикрытием двух стад кавалеристы красных сбивают карты у синих, а показавшиеся на склоне горы цепи красных

быстро куда-то исчезли, и перспектива синих была утеряна.

С затаенным дыханием следит весь город за стратегией красных. В различных концах поля предстоящего боя появляются незначительные части красных. Действуют красные умно, — главные силы скрывают, а маневрируют небольшими частями — это еще больше интригует зрителя и немножко беспокоит синих. Наконец разведка синих установила, что красные готовят одновременный удар на правом и левом фланге,



Комсомолки-стрелки и санитарки.

что на расстоянии полукилометра красные незримо, в траве, передвигаются ползком.

Отдельные выстрелы известили о приближении красных. Вдруг, неожиданно, из-за железнодорожной будки, стогов сена и кустов зелени началась перебежка красных. Атака готовилась, красные папирают быстро, в рядах синих некоторое замешательство, пулемет начал строчить первично и неуверенно. Вдруг перед самым носом передовой цепи синих показался танк, за танком взвод красных бросился в атаку. Синие дрогнули, бросились отступать к мосту, к переправе, пулеметы и ружейные выстрелы забили барабанную дробь, кто свалился в реку. Красная конница вслед за пехотой бросилась преследовать убегающего противника. Засевшие под мостом синие в упор расстреливали красных. Химическая команда синих организовала дымовую завесу.

Толстым слоем „газ“ разлился по берегам рек и прибрежной равнине.

На левом фланге красные были встречены ураганным огнем пулеметов синих. Красные понесли огромные потери и многие попали в плен. Горнист заиграл отбой.

Бой окончен, части войск соединились с мирными жителями. Улыбки, смех, разговор об ужине, чае. Братание во всю.

С. Сиротин.

П И С Ь М О

Стихи Александра Жарова. Фото-иллюстрации С. Фридлянда.



Ты пишешь—
Ветер теплыми руками
У нас в полях перебирает рожь.
А я смотрю,
Как расцветает камень
На мостовых,
Когда проходит дождь.

Любуюсь я,
Как быстро тают лужи
И прячутся пугливые ручьи...
Ни радуга, ни дождь у нас не хуже,
Ни зори, ни леса,
Ни соловьи.

Я помню, помню,
Как они звенели.
Но здесь утрами, небо полоня,
Пропеллеров
Причудливые трели
Водрят меня и радуют меня.

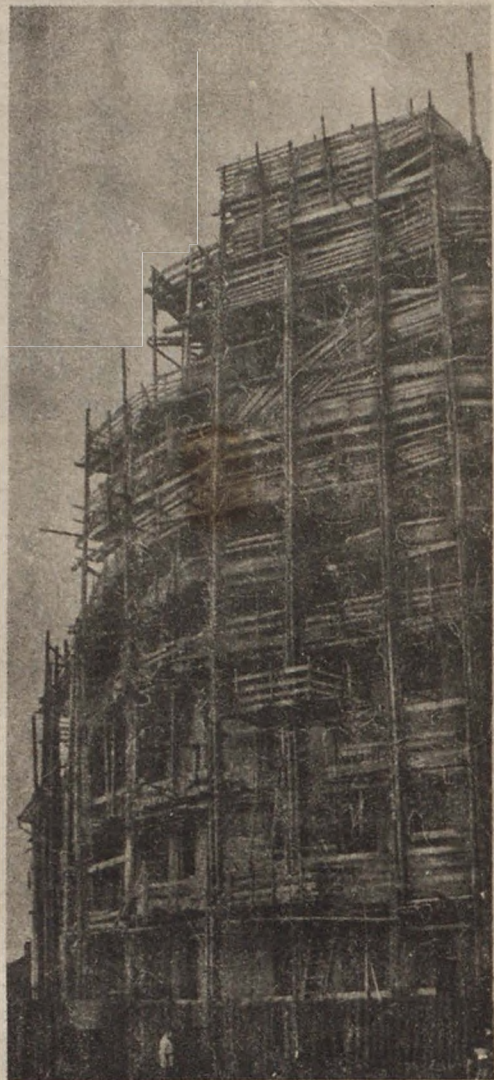
Да, знаю я:
Леса растут красиво.
Но от восторга
Здесь схожу с ума,
Когда смотрю,
Как пышно, горделиво
На наших улицах
Растут дома!

Сегодня в них
Как будто больше граней,
И света больше замечаю я
Не потому ль, что в боковом кар-
мане—

Твое письмо,
И в нем—любовь твоя?

Сегодня снова
В солнце потонули—
Дома, бульвары, люди, небосклон...
Мой друг,
Я в жизнь влюблен не потому ли,
Что я в тебя
Безвыходно влюблен?..

Александр Жаров.



ЗАВОЕВАНИЕ ПУСТЫНИ

Очерк М. Немченко.

Европейца, даже знакомого с Кара-Кумами по литературным данным, прежде всего поражает сравнительное обилие жи-

занимавшегося скотоводством в Кара-Кумах, способствовало развитию экономиче-
ской жизни и хозяйственному росту земле-
дельческих оазисов.

Кочевники нужда-
лись в продуктах
земледелия и выме-
нивали их на скот,
шкуры и т. п. Таким
образом развивался
товарообмен, образо-
вывались торговые
фактории и города,
где происходили тор-
ги и обмен между
земледельцами и ско-
товодами. Благодаря
большой подвижно-
сти и постоянным ко-
чевкам на большие
расстояния, зона

торговли сельскохозяйственных оазисов непре-
рывно расширялась, купцы следовали за
кочевниками, завязывали торговые связи
с соседними оазисами, проникали необы-
чайно далеко, доходя до Монголии на во-

стоке и до Малой Азии на западе. Таким
образом, Кара-Кумы способствовали разви-
тию международной торговли, экономиче-
ской связи между самыми отдаленными рай-
онами и политическому объединению земле-
дельческих оазисов, разбросанных по ре-
кам и водным источникам среди необозри-
мых песков.

И в настоящее время пустыне принад-
лежит огромная роль в хозяйственной
жизни Средней Азии: почти треть ежегод-
но создаваемого народного богатства Турк-
мени относится за счет естественно-про-
изводительных сил Кара-Кумов. На паст-
бищах пустыни пасутся миллионы голов
овец — среди них драгоценнейшие кара-
кулевые овцы, — и сотни тысяч верблюдов.

В центре ее имеются огромные массивы
саксаула, являющиеся объектом промыс-
ленной эксплуатации. В недрах ее нахо-
дятся величайшие в мире залежи серы и
различных минералов. Несмотря на ту
огромную роль, которую играют Кара-Кумы
в народно-хозяйственной жизни страны,
человек использовал ее производительные
силы лишь в самой незначительной степени.



Туркменский кочевой аул.

ни, многочисленность животного и расти-
тельного населения и густота кочевых
поселений.

Можно с уверенностью сказать, что Кара-
Кумы были заселены раньше, чем человек
осел по берегам рек, за много лет до обра-
зования древнейших сельскохозяйственных рай-
онов Средней Азии.

Благодаря свободному и беспрепятствен-
ному просачиванию кочевников, пустыня
создавала благоприятные условия для обра-
зования мировых империй и централизо-
ванного бюрократического государства. На-
личие многочисленного кочевых населения,



В пустыне Кара-Кум. Караван из Персии в Хиву.

Туркменское правительство ставит перед собой задачу серьезного и глубокого изучения Кара-Кумов, и Туркменский научно-исследовательский институт открывает в будущем году для этой цели пустынную географическую станцию.

Основную роль в жизни населения пустыни играют так называемые такыры. Они являются главным центром человеческих поселений в Кара-Кумах.

Такыры представляют собою совершенно ровные, глинистые, овальные площадки, с гладкой и блестящей, как паркет, поверхностью и небольшим уклоном на север-восток. Зимой и весной, когда выпадают немногие, но сильные дожди, потоки воды с шумом бегут по уклону и уходят бесплодно в пески. Население, однако, научилось использовать дождевые воды. В нижнем конце такыра кочевники роют несколько глубоких колодцев, куда стекает дождевая вода со всего такыра, заполняя их почти до-верху. Колодцы не являются в пустыне единственным источником водоснабжения. Обычно в низких местах с глинистой почвой, в ямах и естественных углублениях весной скопляется дождевая вода. Эти дождевые ямы или „каки“ используются населением в течение весны и первых летних месяцев. Иногда кочевники увеличивают эти водоемы или роют искусственные ямы. Весной, когда „каки“ наполняются водой, скотоводы засыпают колодцы на такырах рыхлым песком, чтобы предохранить скопленную воду от испарения, и переходят на дождевые ямы, где сидят до полного использования всего запаса воды. К июлю месяцу, иногда даже к августу, „каки“ высыхают, и население возвращается на такыры, отрывает колодцы и живет тут до будущей весны. Такыры являются частью или родовой собственностью населения.

Растительный мир пустыни богат. Разнообразные травы, кустарники, древесные породы, вполне приспособившиеся к жизни в песках, — служат прекрасным кормом для скота. Разнообразные солики на солончаковых площадках, многочисленные полыни, ремень, ферула, песчаная осока, песчаная акация, гребенчук, саксаул и т. п., а весной разнообразные эфемеры, т. е. весеннее растение с коротким вегета-



Движущиеся пески, которые часто погребают под собой деревья, поля, сады и даже целые здания.



Саксаул — дерево пустыни.

ционным периодом, покрывают пустынные пастбища. Но напрасно мы стали бы искать сплошные луга, сплошные массы растительного покрова. Пастбища представляют собой огромные пространства, клочкообразно покрытые очень редкой растительностью. Одно растение или растительные сообщества разделены пространствами голого песка или солончака, тем не менее они в состоянии прокормить, бла-

годаря огромности территории, занятой ими, в несколько раз большее количество скота, против имеющегося в настоящее время.

Вследствие неправильной и хищнической эксплуатации пастбищ, последние легко выбиваются скотом, оголение их способствует началу развевания песков и уничтожения пастбища. Вопросы культурного пользования пастбищами, искусственного их восстановления наряду с вопросами водоснабжения, являются важнейшими проблемами в деле хозяйственного освоения Кара-Кумов.

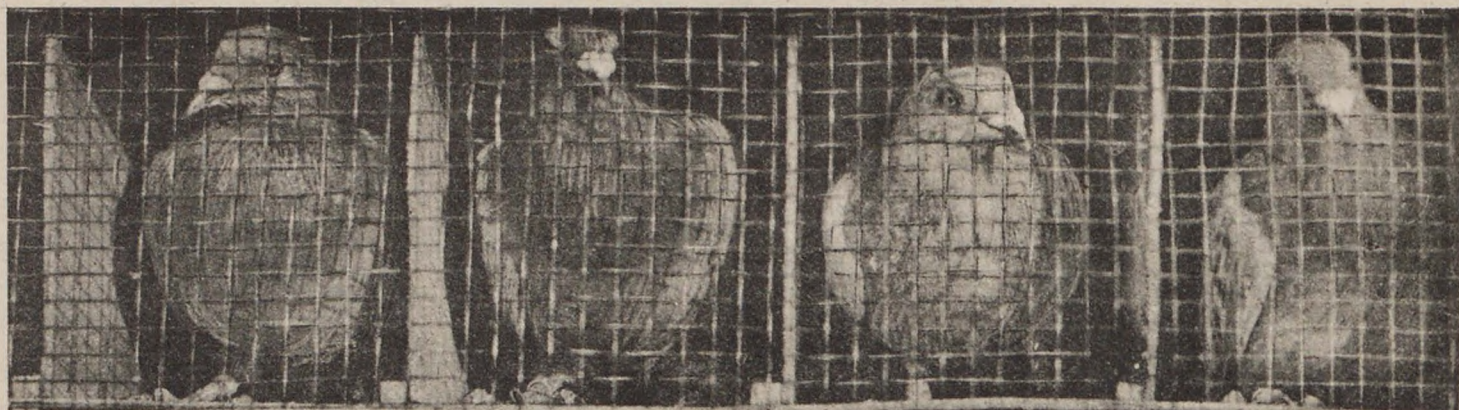
Примитивные формы скотоводческого хозяйства в пустыне, неумение населения бороться со стихийными бедствиями, отсутствие практики заготовки кормов, чрезвычайно осложняющейся характером и естественными условиями пастбищ, — создают неустойчивое положение для скотоводческого хозяйства. Пустыня имеет свои законы и предъявляет свои требования к хозяйствующему субъекту, но это тем не менее не устраняет возможности культурного ведения скотоводческого хозяйства. Никогда царское правительство не думало и не предполагало искусственного воздействия на естественные условия Кара-Кумов или возможности научного, хозяйственного, культурного их использования. Это могло стать задачей только Советской власти, которая в процессе планового социалистического строительства не могла и не может обойти хозяйственной проблемы в Кара-Кумах. Мы уже перестали смотреть на Кара-Кумы, как на мертвую бесплодную пустыню, и видим в ней мощный хозяйственный район, объект нашего хозяйственного воздействия, который играет огромную роль в хозяйственном развитии всей Средней Азии.

М. Немченко.



Бугристые пески Кара-Кумов, закрепленные песчаной растительностью.

ПЕРНАТЫЕ ПОЧТАЛЬОНЫ



Голуби на старте. Сидят за стеной корзины и ждут выпуска.

Фот. А. Дика.

За границей, особенно в Германии и Франции почтово-голубиный спорт получил широкое развитие. В этих странах имеется не одна сотня тысяч почтовых голубей. В царской России спорт не получил широкого распространения и дело захирело с началом империалистической войны. В настоящее время на базе широкой общестественности почтово-голубиный спорт начинает снова возрождаться, и уже имеются определенные достижения, выявленные соревнованиями голубей московских любителей.

Особая порода голубей, так называемых „почтовых“, обладает двумя интересными

свойствами: во-первых, очень большой привязанностью к своему гнезду-голубятне, и во-вторых—способностью после выпуска с большого расстояния от голубятни находить верную дорогу и возвращаться домой. Этими свойствами почтового голубя пользуются как средством связи. Сообщение — „голубеграмму“, написанную на небольшом клочке бумаги, вкладывают в маленький алюминиевый пенальчик или

лет голубей в Москву из Вязьмы (240 км.—4 час. 30 мин.) и не менее хороший прилет молодых голубей выводка этого лета из Можайска (110 км.—1 час. 30 м.). Голуби выпускались с голубеграммами. За первых прилетевших голубей, показавших наибольшую скорость, их владельцам присуждены ценные призы.



Момент вкладывания голубеграммы в портдепешник. Фот. А. Дика.

Если мы вполне обеспечены для сношений в мирное время совершенными средствами связи — телефонами, телеграфом и радио, то во время войны этих средств связи для

армии не вполне достаточно, ибо они не всегда по условиям боевой обстановки могут быть использованы. Поэтому в армии в качестве военного средства связи используется и почтовый голубь.

Нам нужны чистокровные почтовые голуби — надежные гонцы, доставляющие голубеграмму с наибольшей скоростью.

Капиталистические армии, с которыми нам придется столкнуться, имеют сотни тысяч хороших натренированных гонцов. Должна их иметь и Красная армия. Разведение почтовых голубей должно развиваться у нас с широким участием трудящихся. Каждый любитель-голубевод, имеющий почтарей, должен помнить, что, разводя чистопородную птицу, нужную армии, он укрепляет мощь армии и строит обороноспособность страны. Все любители почтовых голубей объединены в ячейки при Осоавиахиме, который и руководит их работой.

Н. Андреев.



Страстные любители наблюдают за полетом почтовых голубей.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ В НАМАНГАНЕ



В середине августа в Намангане (Средняя Азия) ощущалось сильное землетрясение. Первый незначительный толчок произошел 11 августа, в 12 час. ночи. Толчок повторился на утро, после чего в 11 час. утра 12-го августа произошел третий, значительно превзошедший оба предыдущих толчка. Население города, привыкшее к обычным в этом районе толчкам, отнеслось к ним довольно спокойно. Днем же произошел исключительно сильный толчок, сопровождавшийся подземным гулом и повлекший за собой большие разрушения. Население высыпало на улицы. Особенная паника поднялась в старом городе. Толчки повторялись, но более слабые. После этого землетрясения повторилось в ночь на 21-е августа и продолжалось около суток, вызывая все новые и новые разрушения. Без крова в городе осталось до шестидесяти тысяч человек, в окрестных кишлаках — около сорока тысяч. Помощь пострадавшим была поставлена в тот же день и очень широко. Помимо правительственной помощи, была организована и общественная. Из Андижана от окружного исполкома получено 10 тысяч руб. на пропитание. Продуктами питания город был обеспечен. Обычно наблюдавшееся в таких случаях вздувание цен на предметы первой необходимости было избегнуто. На оных ках: слева — работа учреждений на улице во время землетрясений, справа — разрушенные дома в старом Намангане.



Слева направо — Шорина, Гойер, Куницын, химик с „Марата“, Куницына, Хлопушкин (стоит).
Фот. А. Вредского.



Слева направо — Хлопушкин, Куницына, Куницын, Гойер; в последнем ряду, 3-й справа — Груздев, следующий — проф. Никитин. Фот. Гарина.

3-го сентября в Ленинграде в выездной сессии Верховного суда под председательством тов. В. В. Ульяхова началось слушание дела 26 англо-финских шпионов. Перед судом прошли все эти 26 человек. Центральная фигура процесса — Гойер — непосредственно связан с „Интеллигенс Сервис“ во время его допроса все время звучат иностранные фамилии, излагаются широко задуманные шпионские планы и т. д., и т. д. Но скоро внимание суда начинают занимать исполнители скромных ролей — наводчики, осведомители, доносители — всякие Хлопушкины, Груздевы, Гагаевы. Интересно прошлое этих людей: это все люди с яму, ществом и положением при старом режиме, и как они ни стараются доказать, что занимались контрабандой по бедности, все же становятся совершенно очевидным, что контрабанда была занятием подсобным. Основное же их занятие, это — шпионаж, и даже не столько из-за денег, сколько из-за глупой злобы: у одного что-то отняли, другой не окончил юридического факультета. Они слишком понадеялись на тайны темных ночей, на крепость паролей и чудодейственную силу английских фунтов, — и просчитались!

ВОЗДУШНЫЙ ЗАЯЦ

Миллионера Левина не удовлетворила слава перелета из Америки в Европу вместе с летчиком Чемберлином на аэроплане „Мисс Колумбия“. Прилетев вторым в Европу — вслед за Линденбергом, — он хотел первым прилететь в Америку. Но Чемберлин не рискнул на обратный перелет и предпочел вернуться в Америку морем. Левин „нанял“ себе нового летчика, француза Друэна, для обратного перелета. Друэн, вопреки настояниям Левина, отказывался лететь „до лучших времен“, да к тому же между ними возник спор о дележе „шкурки неубитого медведя“ — о разделе будущих призов.

В один прекрасный день Левин уселся в свой аэроплан и совершенно неожиданно поднялся с аэродрома. Левин, совершивший знаменитый перелет из Америки в качестве пассажира, ни разу самостоятельно не летал, не мог пользоваться воздушной картой, а поэтому сбился с пути в Лондон, куда он решил лететь. Авиатор Друэн, прибывший полчаса спустя после непонятного бегства Левина, в бешенстве метался по аэродрому.

По всем направлениям были разсланы телеграммы. Но уже через несколько часов пришло известие о том, что Левин благополучно спустился в Крейдоне (под Лондоном).

Левин объяснил, что он был в последнее время очень раздражен парижскими ссорами. В день бегства из Лебурже он решил сделать лишь несколько кругов над аэродромом. Левин только два раза летал с Друэном, и тот его слегка подучил. Тяжелый аппарат скверно слушался Левина, который, не считаясь с ограниченным запасом бензина, решил одним ударом разорвать свои запутанные отношения. Перелет свой он совершил по компасу, отклонившись от нормального пути. Из-за тумана он 40 минут кружился над Лондоном, сначала даже не узнав Лондона, а затем лишь с трудом отыскал аэродром Крейдон. Но самое тяжелое было



Аэроплан под арестом.



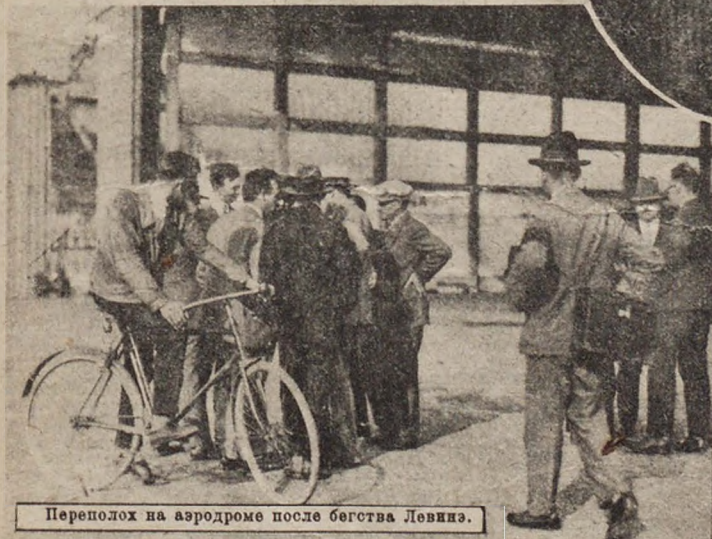
Чарльз Левин.

шпионские авиаторы бросились убирать свои аэропланы в ангары, опасаясь столкновения. Немедленно были вызваны пожарные автомобили и карета скорой помощи, которые кружили по аэродрому вслед за машиной Левина, ожидая каждую минуту катастрофы. Только благодаря присутствию духа одного американского летчика, удалось предотвратить несчастие. Поднявшись в воздух на своей машине и приблизившись к Левину, он дал ему указания, как и в каком направлении нужно произвести посадку. К удивлению окружающих, Левин в одном пиджаке, без плеча (так он вылетел из Парижа), спокойно выскочил из машины. Он совершенно не был взволнован. Но спокойствие быстро покинуло его: аэроплан его был немедленно по спуске окружен полицией, введен в ангар, опечатан, и самостоятельный доступ к нему без уполномоченного полиции был запрещен Левину.

Одновременно ему был предъявлен ряд обвинений: 1) вывоз из Франции аэроплана без лицензии, 2) отсутствие выездной визы на паспорте, 3) нарушение таможенных правил, 4) незаконный перелет французских и английских границ, 5) пользование машиной без свидетельства на право летания, 6) неоплата проездных отчислений.

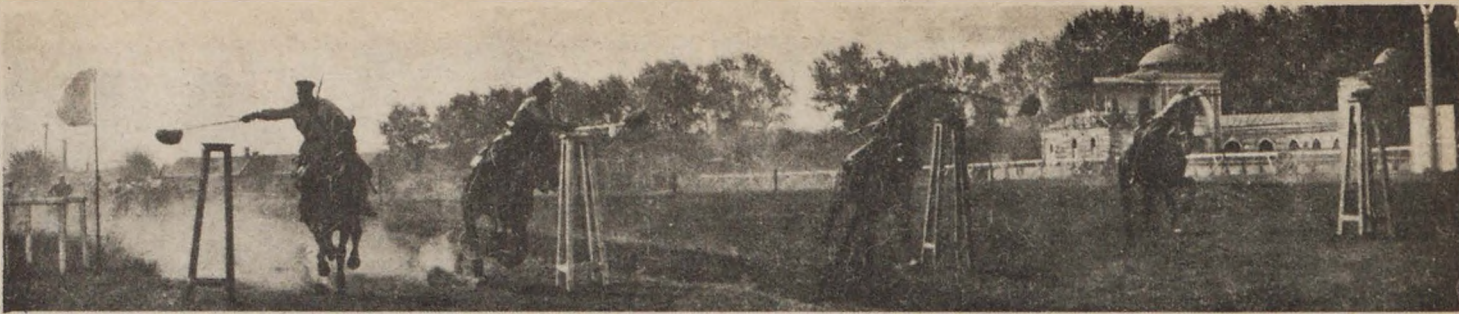
Любого из этих обвинений было достаточно, чтобы быть арестованным, но по отношению к американскому миллионеру Левину английская полиция исключительно предупредительна. Он же со своей стороны лишь потребовал удвоения полицейских караулов у аппарата, так как опасался, что его противники сделают попытку украсть „Мисс Колумбия“. Одновременно он „нанял“ другого авиатора (английского офицера) для обратного перелета в Америку и отдал распоряжение своему адвокату договориться со всеми заинтересованными лицами, учреждениями и государствами о погашении претензий к нему. Уже на следующий день его жена уплатила 100 тыс. франков обиженному авиатору Друэну за отказ от полета с ним. Остальные претензии, конечно, будут так же быстро улажены, ибо миллионер Левин, прилетевший из царства доллара, легко найдет общий язык в царстве английского фунта.

Н. Клар.



Переполох на аэродроме после бегства Левина.

вперед. По своей неопытности, Левин четыре раза делал неудачные попытки произвести посадку, при чем один раз чуть не налетел на ангар. На аэродроме поднялась паника: присутствовав-



Состязание конников. Состязания конных частей Московского военного округа показали, каких огромных успехов достигла наша конница за время четырехлетней спокойной работы. Перед зрителями прошли—и маневренная езда красноармейцев и комполитсостава, и искусство владения холодным и огнестрельным оружием, и служба связи, и конный спорт во всех его видах, начиная со 100 км. пробега и кончая скачками через препятствия. Фот. А. Дика.



Английские пионеры в Крыму слушают приветственную речь местных пионеров. Среди английских пионеров—заместитель Наркомаздрава З. П. Соловьев (X).



Те, которые не видели живого городского. Эта замечательная скульптура Иннокентия Жукова изображает наших советских детей, которые с любопытством смотрят на фигуру городского. Их родители в свое время без радости встречались с представителями власти. Репродукция Е. Микულიной.

ОКОЛО СЕМИ МИЛЛИОНОВ книжек вышло и разошлось за короткий срок существования Библиотеки «ОГОНЕК»

Г. Гейне — Путешествие на Гарц. Б. Пильняк — Рассказы Востока. Пьер Ман Орлан — Ночная Маргарита. Еф. Зозуля — Интересная девушка. Б. Келлерман — Блаженные. Соколов-Микитов — Море. Густав Даниловский — Поезд. Панти Романов — Новые рассказы. А. Грин — Крысолов. Т. Дынник — Крепостные актеры. Ал. Толстой — Великосветские бандиты. В. Вересаев — Рассказы. М. Сервантес — Плутовская новелла. Мих. Голодный — Избранные стихи. Л. Никулин — Ни с того, ни с сего.

ОКОЛО 300 НАЗВАНИЙ

дали возможность широким массам читателей ознакомиться с лучшими образцами советск. и иностранный литературы.

Редактор ИИХ. КОЛЬЦОВ. Издатель—АКЦИОНЕРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО «ОГОНЕК». Непринятые редакцией рукописи не возвращаются. Перепечатка без указания источника—воспрещается. РЕДАКЦИЯ — Москва 9, Страстной бульв. 11. Тел. 2-96-12; ГЛАВНАЯ КОНТОРА—Москва 9, Страстной бульв. 11; телефон: 3-12 56. Отд. Распростр.—5-51-69, 80-64. Подотдел подписки—1-28-19. Реклама—1-35-28. Бюро иногородн. объявлений—3-91-48. Адрес для телеграмм: Москва Огонек. ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ—Проспект 25 Октября, д. 1., тел. 5-26-09. ТАРИФ ОБЪЯВЛЕНИЙ: 1 стр.—1500 р., строка непрерывн.—2 руб. 50 коп. Сверх тарифа—10% налога. ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на «Огонек» с одним прил. «Альбом Советского Юмора и Сатиры» (год. и полугод. полн.) 1 м.—40 к., 3 м.—1 р. 20 к., 6 м.—3 р. 1 г.—5 р.; с двумя прил.: 1) тома «10 лет Советского строительства» и 2) «Альбома» (только годовым и полугодовым) 6 м.—4 р. 50 к., 1 г.—6 р. 50 к. с тремя прил.: 1) «Библи. Огонек» (еженед. 2 кн.) 2) «10 лет Совет. строит.» и 3) «Альбома» (только годовым и полугодовым) 6 м.—9 р. 50 к., 1 г.—15 р. Прил. «10 лет Сов. строит.» всем остальным подписчикам «Огонька»—2 р., «Альбом»—1 р.

Главлит № 92.958. Офсет печать типо-лит. Акц. Издат. О-ва «ОГОНЕК». Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26. Тираж 235.000 экз



ГОСМЕДТОРГПРОМ
ХИМФАРМЗАВОД
Н. А. СЕМАШКО
МОСКВА

Адрес: МОСКВА, Центр. ГОСМЕДТОРГПРОМ. Отд. посылки № 7.

ДОМАШНИЕ И КАРМАННЫЕ АПТЕЧКИ

и другие наборы высылаются непосредственно с ЗАВОДА.
Серия „А“ Цена 1 р. 50 к. Карманная и дорожная аптечка
в изысканном футляре—21 предмет.
„Е“ 2 р. — Домашняя аптечка—21 предмет.
„Б“ 3 р. — Домашняя аптечка в спеш. ящике
для хранения лекарств—24 предм.
„В“ 5 р. — Домашняя аптечка в спеш. ящике
для хранения лекарств—31 предм.
„Ж“ — 50 к. Спортивно-карманная аптечка—
8 пр. (высылается не менее 3 шт.)
„Д“ 3 р. 50 к. Парфюмерно-косм. посыл.—11 пр.
„З“ 4 р. — Парфюмерно-косм. посыл.—13 пр.

В каждой аптечке имеется наставление к пользованию.
Напишите нам открытку, укажите в ней ясно Ваш
точный адрес, и мы вышлем Вам любую посылку наложен-
ным платежом. Если вы переведете деньги вперед—заказ
вышлите на отрывном купоне перевода.

При переводе полной стоимости вперед (почт. перен.)
пересылка бесплатна. При наложен. платеже пересылка
за счет заказчика.

Прейс-курант высылается **БЕСПЛАТНО**.

**ПРОИЗВОДСТВО
НАРОДНЫХ
МУЗЫКАЛЬНЫХ
ИНСТРУМЕНТОВ
ВИНОГРАДОВА**
Москва, Центр. Бол.
Сухаревск. пл. д. 9/4.
ВЕНСКИЕ 2 и 3-рядн.
гармоники.



**ВАЯНЫ И ПОЛУВАЯНЫ. ЦЕНЫ
— ДЕШЕВЛЕ ВСЕХ —**
Прейс-курант высылается за две 8 к.
марк., вложен, в конверт. Виноградова.

ЛЮБУЮ КНИГУ

новую, редкую, распространенную по
технике, медицине, сельско-хоз.
и др. вопросам
высылает немедленно нал. пл.
КНИЖ. МАГ. „НАУКА И ЖИЗНЬ“
МОСКВА 19, Новодвиженка, 4/0
(фирма сущ. с 1905 года).



Бильярдный мастер **А. К. ФАЛИН**
Ленинград, Чернышев п., 20. Т. 169-30.

КАЖДОМУ НЕОБХОДИМО! КАЖДОМУ ДОСТУПНО!

„ПОЧТОВО-ПОСЫЛОЧНОЕ БЮРО“

По первому требованию высылают ПОЧТОВЫМИ ПОСЫЛКАМИ наложен. плат.

КРАТКИЙ ПРЕЙС-КУРАНТ

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУ- МЕНТЫ:

Балалайки: с моск. колками—6, 6.25,
6.75, с мехам. колк.—7.90, 8.65, 9.90,
лучшие сорта—13 р., 15 р., вышние—
сорта—18 р., 20 р. Гитары: с моск.
колк.—15р., 18р., с мех. колк.—19 р.,
22 р. Лучш. сорта—26 р., 30 р., вышн.
сорта—35 р., 40 р., концертные (с пер-
ламутром)—50 р. Мандолины: лучшие
сорта—25 р., 30 р., 33 р., вышние
сорта—40 р., 45 р., концертные (с пер-
ламутром)—50 р., 60 р. Гармоники:
Полуценки—35 р., 40 р., венские
двухрядные: 21 кл. 12 б.—55 р.,
венские двухрядные—23 кл. 12 б.—
75—80 р. Венские шестипламенные—
90 и 100 р. Сирани (со смычком)—
от 30—75 р. Граммофоны: охоноруж-
ные—65—75 р., двухрядные—
90, 100, 120 р., (граммофонные пла-
стинки, ручки, мембраны).

Все инструменты строго проверен-
ные. Составление полного ансамбля
великорусского оркестра.

Пионерские барабаны—15, 16, 19, и
25 р. Пионерские горны (с флажками)—
19.50, 23, 27, 30 р.

МЕСТНОМ И КОЛЛЕКТИВМ СКИДКА 50%. Заказы исполняются
быстро и аккуратно, наложенным платежом по получении 25% задатка.
Пересылка и упаковка по себестоимости, за счет заказчика.
При высылке полной стоимости заказа вперед — **УПАКОВКА БЕСПЛАТНО**.
Полный иллюстрированный прейс-курант: музыка, спорт, фото-
графия, канцелярские принадлежности, карманные часы, хозяйственный
отдел, радио, краски для материи, кожаные туфли и пр.
высылается за две восьмидесятикопеечные марки, вложенные в конверт.
Адрес для писем и денег: МОСКВА, Гл. Почтамт, ящ. 1031 „ПОЧТОВО-ПО-
СЫЛОЧНОЕ БЮРО“. Адрес для телеграмм: МОСКВА—„ПОСЫЛКА“.

КЛУБНЫЕ ИГРЫ:

Шахматы—1.50, 2.50, 3, 3.75, 5, 7, 8,
и 10 р. Доски шахматные—2, 2.50, 3
и 5 р. Шашки—45 и 60 коп. Доски
картонные—45 коп. шт. Домино—1.20,
1.50, 2.50 и 3.75. Лото—от 2.50—7 р.
Карманные электромониторы: с реф-
стеклом—3.50, с боковым стеклом—
4 р. Зависимые батареи—55 к. шт.
ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ:
Самовары никелированные, белой—
25, 30, 35 р. шт., рымкой—30, 35,
40 р. шт., (полосы, подоконники,
чайники). Примуус—8.50. Неро-
ниновая кухня (типа Герц, с 2-мя
фитилями)—13.50 шт. (Нож, вилка,
ложка). Портфель кожаный—от
12—30 р. Бритвы загар.—12, 15 и
7 р. шт., бритвы русские—4, 6 и
7 р. 50 к. шт. бритвы безоснащенные—
5 р., 6.50 и дороже. Бритвенные при-
боры (никелевые)—5 р. и 7.50.
Часы (ходики)—5.50 и 6 р.

РАДИО:

Стандартные посылки (радиоприем-
ник с монтажным материалом, при-
способленный для слушания на даль-
нем расстоянии)—35, 40, 60 и 65 р.
(лампы, телефоны, детекторы, ре-
продукторы, усилители, аккумуля-
торные и анодные батареи).

ТРИ ЦЕННЫХ ПРИЛОЖЕНИЯ

своим подписчик. на последн. кварт. 1927 г. (с 1 окт. по 31 дек.)

дает самый
распространенный

ОГОНЕК

ежедневный
иллюстрир. журнал

I. „ОГОНЕК“ с 1 окт. до конца года с одним прилож.: „Аль-
бом советского юмора и сатиры“ (лучш.
худож. и карикатур)—наб. большого форм., на
отличной бумаге, с художественной нашивкой. **1 р. 80 к.**

II. „ОГОНЕК“ с 1 окт. и до конца года с двумя прилож.:
1) богато-иллюстриров. т. м. посвящен. 10-лет.
Октябрьск. революции „ДЕСЯТЬ ЛЕТ СОВЕТСКОГО СТРОИТЕЛЬ-
СТВА“ (промышленность, сельское хозяйство, наука, архитек-
тура, искусство) и прочие. переплет и 2) „Альбом 3 р. 30 к.
советского юмора и сатиры“

III. „ОГОНЕК“ с 1 окт. до конца года с тремя приложениями:
1) 52 книжки БИБЛИОТЕКИ „ОГОНЕК“ (проза,
лучш. русск. и иностранных писат.). 2) „ДЕСЯТЬ ЛЕТ СОВЕТ-
СКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА“ и 3) „Альбом совет- 6 р. 30 к.
ского юмора и сатиры“

Перев. адресов: МОСКВА 9, Тверск. бульв. 26, Анд. Изд. 0 у „ОГОНЕК“
Подписка принимается также во всех почтовых учреждениях СССР.

СОСТОЯЩИЕ В ВЕДЕНИИ ПРОФОБРА КУРСЫ НОВЫХ ЯЗЫКОВ

ФОНЕТИЧЕСКАЯ ШКОЛА НОВЫХ ЯЗЫКОВ

ПРИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ИНСТИТУТЕ СРАВНИТ.
ИЗУЧЕН. ЛИТЕР. И ЯЗЫКОВ ЗАПАДА И ВОСТОКА (ИЛЯЗВ)

ПРИ ЛЕНИНГРАДСКОМ ГОС. УНИВЕРСИТЕТЕ
АНГЛИЙСКОГО, НЕМЕЦКОГО, ФРАНЦУЗСКОГО, И АЛЬЯНСКОГО,
ИСЛАНДСКОГО И СКАНДИНАВСКИХ ЯЗЫКОВ

Отделения: I. ЯЗЫКОВОЕ (для начинающих).
II. МЕТОДИКО-ФОНЕТИЧЕСКОЕ (для влад. языком).
Занятия ведутся на научном. языке. Группы утренние и вечерние.

Руководители Курсов „Фонетическая Школа Новых Языков“—
проф. Л. В. ЩЕРБА и проф. С. М. БОЯНУС.

Зачисл. и справки ежедн. от 12—3 ч. дня, кроме воскр. и празд. дн.
Ленинград, Вас. Остр., здание Университета, Рентон. флиг. кв. 3.

ЖЕЛЕЗО- = БЕТОННЫЕ = СООРУЖЕНИЯ

К. КЕРСТЕНА,

доп. инж. перевод с последн. изд.
пох ред. проф. А. Ф. Астафьева.
Том I. Стронт. материалы.
Производство железобет. ра-
бот. Расчет основных кон-
струкций.

Цена в перепл. 5 р. 50 к.

Том II. Гражд. сооруж. Фун-
даменты. Трубопроводы и
резерв. Силосы. С.-Хоз. со-
оруж. Дымов. трубы и спен.
башни. Эконом. постройки.
Мосты балочные и арочные.
Приложение: Новые техн. усло-
вия Герман. Комит. по железобетону.
760 фиг. 1 монограмма.

Цена в перепл. 5 р. 50 к.

Том III. Примеры расчета
железобетонных конструк-
ций.
Настоящее второе издание клас-
сич. труда К. Керстена согласо-
вано с новейш. союзн. и загра-
ничн. норм. и технич. условиями.
Льготная цена за все изд. в пер-
епл.—12 р. Разрешено: при по-
купке — 3 руб., при получении
1 т.—3 р.; II т.—4 р.; III т.—
2 руб.
Денги и заказы адресовать:
Ленинград, Ковенский пер. 2.
**АКАДЕМИЧЕСКОМУ
ИЗДАТЕЛЬСТВУ.**

ПРЕСТУПНЫЙ МИР МОСКВЫ

С фотографиями и рисунками.
Сборник. Краткое содержание:
Грабители и бандиты. Убийцы.
Репидицисты. Норм. Мошенники.
Самозонники. Криминальные пси-
хологи. Дети-преступники. Та-
туировка и мистик. заключенн.
Цена 3 р. 80 к.
Заказы направлял.: Кооперат. издат.
„ПРАВО И ЖИЗНЬ“.
МОСКВА 34, ул. Пропетина 17/1.
При высылке денег (или марок)
пересылка бесплатна.



ИСПЫТАНИЕ СРЕДСТВА ЛАБОРАТОРИИ КООП. Т-ВА

„ЭЛЭМ“

МОСКВА, МАЛ. ДМИТРОВКА 17

Единственно настоящий ДЕПИЛЯТОРИЙ W. M.—по-
рошок для уничтожения волос, где того требует
красота и гигиена тела. рождает в зеленых короб-
ках. Ц. 1р. 75 к., 3 р. 50 к. и 6 р. 50 к. Рост во-
лос замедляется. РОССЕТЕРСКИЙ ВОССТАНОВИТЕЛЬ
перевосстановит волос. Фл. 2 р. 75 к. КРЕМ для БРИТЬЯ
„ELEM EUXIS“ без воды, без мыла, без кисточки,
экономия времени, туба 1 р. 25 к. Высыл. только по
получен. 25% стоимости. Продажа в аптеках, мага-
зинах санитарии и гигиены.

ЛЮБУЮ КНИГУ

новую, редкую, распространенную по
технике, медицине, сельскохозяй-
ственным и др. вопросам.

**УЧЕБНИКИ ДЛЯ ВСЕХ УЧЕБ.
ЗАВЕДЕНИЙ**

У р. орган. и шпол. 10% скидки.
Перес. за счет зак. Высыл. не-
медленно наложенным платежом.

КАТАЛОГ БЕСПЛАТНО.

КНИЖНИЦА **А. Г. Алексеева.**

Торговая, 20. Москва, Центральный рын. № 767/0.

КАЖДАЯ МОЖЕТ Получить ПОРТРЕТ

в паспарту 18 × 24—5 рублей,
24 × 30—7 руб., 30 × 40—10 руб.,
40 × 50—12 руб., 50 × 60—15 руб.
Ровно через 2 недели по получ.
карточки на адрес: МОСКВА,
почт. ящ. 503, или ул. Володар-
ского, д. 14.

Фотография **Н. ПРАСолова.**

Заказы высыл. налож. платежом.

ГИТАРЫ в 13, 16, 18, 20,
25, 30, 40, 50 и 60 руб.

БАЛАЛАЙКИ в 4, 5, 6,
7, 8, 10, 12, 15, 20 и 25 руб.

МАНДОЛИНЫ в 12, 15,
18, 21, 24, 27, 30, 35,
40, 45 и 50 руб.

Заказчику предоставляется право обмена полученного инструмента или
получение обратно денег. Подробные условия в прейс-куранте.

Заказы до 25 руб. высылаются налож. платеж. без задатка. Свыше
25 р. высыл. по получ. 1/2 стоимости с налож. платеж. на оставш. сумму.

Иллюстрир. прейс-курант **В. С. ГОЛОВИН** МОСКВА 17.

Высыл. за две 8-и. марки

ГАРМОНИИ 2-рядн.

Полуценки—23, 28 руб.

Чешские—30, 38, 42, 48, 55,
65, 75, 85, 95, 105 и 125 руб.

Указывают русск. или
немецк. строй. Охоноруж-
ные от 10 руб. до 75 руб.

БАЯНЫ в 200, 220, 250, 300
и 350 руб.

ШРИФТЫ

Альбом Д. А. ПИСАРЕВСКОГО, ПОД РЕДАКЦИЕЙ АКАД.-АРХИТ.
И. А. ФОМИНА, ПРИ УЧАСТИИ 23-х ЛЕНИНГР. ХУДОЖН.-ГРАФИКОВ.
Альбом содержит 95 таблиц шрифтов, из них 55 заняты алфави-
тами от А до Я (многие в красках), подробные описания строения
каждого из шрифтов, методы их применения в различных
областях. Типографских шрифтов в альбоме не имеется. Каждый
на шрифтом—оригинальное произведение одного из художников
(Чехонина, Велухи, Левитского, Яковлевского, Хижинского, Ко-
нашевича, Литвищенко, Лилана и т. д. Альбом предназначен
для архитекторов, чертежников, топографов, архитекторов, живо-
писцев, плакатистов, каллиграфов и т. н. Каждый найдет в нем
высокохудожеств. образцы для своих работ. Альбом вышущ.
двумя изданиями: 1) на альбомной бумаге, в худож. переплетен-
ной 7 р. 50 к., 2) на хорош. белой бумаге, в худож. обложке—
цена 4 р. 50 к. Присылаются деньги вперед за перес. не платят.
Высылается также наложн. платежом с добавл. пересылки.
Адресовать автору: Ленинград, Кирочная ул. № 2—10.
Д. А. ПИСАРЕВСКОМУ.



ГРОМАДНЫЙ ВЫБОР ВСЕВОЗМОЖНОЙ Радио-Аппаратуры и принадлежностей.

Иллюстрированный справочник-куратор — справочник высыл. за 24 коп. парнями. Заказы выполняются, наложенным платежом по получении 25% задатка. Ленинград, пр. Володарского 51.

РАСПРОДАЖА КНИГ

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН А. С. Степанова

ЛЕНИНГРАД, пр. Володарского, д. 31
ПОЛНЫЕ СОЧИНЕНИЯ
Андреев, 17 кн. 5 р. Бальзак, 20 т. 15 р. Бунин, 12 кн. 2 р. Боборыкин, 12 т. 4 р. Гаюмун, 18 кн. 5 р. Гарин, 20 кн. 4 р. Гауптман, 10 кн. 1 р. 50 к. Гейне, 16 кн. 2 р. 50 к. Горбунов, 4 кн. 1 р. Григорьевич, 12 т. 5 р. Жуковский, 12 кн. 2 р. Ибсен, 18 кн. 3 р. Короленко, 27 кн. 6 р. Де-Мостер, 3 кн. 75 к. Леонов, 36 кн. 6 р. Лермонтов, 2 т. с иллюстр. 8 р. М. Сибири, 60 кн. 12 р. Майков, 8 кн. 1 р. 50 к. Мей, 8 кн. 1 р. Метерлинк, 8 кн. 2 р. Мольер, 10 кн. 1 р. 50 к. Набоков, 8 кн. 2 р. Помяловский, 5 кн. 1 р. Писемский, 38 кн. 6 р. Роотан, 5 кн. 1 р. С.-Щедрин, 40 кн. 6 р. Шервантс. Дон-Кихот, 10 кн. 2 р. Станюкович, 40 кн. 7 р. Тютчев, 8 кн. 75 к. Уайльд, 4 тома 2 р. Успенский, 28 кн. 4 р. Фет, 6 кн. 1 р. Чехов, 23 т. 7 р. Ш.-Михайлов, 50 кн. 8 р. Гете, Фауст, 2 руб. Ильясов. Стихотворения. В пер. 1 р. Пушкин, 1 т. в 10 кн. 3 р. Вересаев, 10 кн. 8 р. Данилевский, 24 кн. 5 р. Достоевский, 12 т. 12 р. Мурин, 23 кн. 8 р. Свиридовский. Книжное издательство. Ц. 1 р. Цена без переплета, пересылка и упаковки. Заказы до 10 р. высыл. наложен. платеж. без задатка, свыше. — задаток 80 проц. суммы заказа. **ТРЕБУЙТЕ КАТАЛОГ № 6 ВЫСЫЛАЮ БЕСПЛАТНО.**



ПРОДАЖА во ВСЕХ АПТЕКАХ и МАГАЗИНАХ САНИТАРИИ и ГИГИЕНЫ СССР.
ЦЕНА 1 кор. в капсулах—60 коп. ■ ЦЕНА 1 кор. в таблетках—40 коп.
Высылаются почтой наложен. платежом не менее 5 коробок. — Пересылка бесплатно.

ВНИМАНИЮ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ФИТИНА: «Употребление фитина в желатиновых капсулах не имеет никаких преимуществ перед приемом их в виде таблеток и основано на привычке, привитой частными фабрикантами в целях удорожания и излишней наживы. ■ В таблетках имеется то же количество фитина, того же высокого качества. Число таблеток в коробке такое же, как и капсул в одной коробке. ■ Но упаковка в капсулы стоит значительно дороже, и потребитель, получая одно и то же, переплачивает за упаковку. ■ Употребляя фитин в таблетках, вместо капсул, Вы вместо одной коробки в капсулах за те же деньги будете иметь полторы коробки в таблетках».

ГОСМЕДТОРГПРОМ

А ДРЕС: МСКВА, Центр, Госмедторгпром, Отдел посылок № 7.

ПОЖАРЫ и УВЕЧЬЯ
бывают у того, кто не имеет нап. **ЭЛЕКТРИЧЕСКОГО ФОНАРИ ЗАГРАНИЧНОЙ МОДЕЛИ.**
Высылаем наложен. платежом. **Фонарь** с бокс-стеклом ц. 4 р. с верхн. стекл. ц. 8 р. Оптов. покупателем оговорены льготные условия. Адрес: Москва, 51, Выставочный. **ПРОИЗВОДСТВО ФОНАРЕЙ.**

МОМЕНТАЛЬНЫЙ АВТОМАТИЧЕСКИЙ СЧЕТЧИК

(универсальности)

цена 50 коп.

Доступ. всем без затраты энергии и труда, без изнурения, и учебн. дает точн. результ. умножения, деления, вычисления процентов, автоматически, с быстротой чтения глаза. Высылаются немедленно по получении заказа и 50 к. За пересылку и упаковку — 20 коп., всего 70 коп. (можно марками) Наложенным платежом высылаются от 3 руб. Требуется во всех книжных и писчебумажн. магазинах, а также во всех газетных киосках У. М. К. Займы и деньги нап. по адресу Москва, 11 почтамт, почт. ящ. 1093. Автор А. А. ЦУКЕРШТЕЙН Для Москвы: писчебумажн. маг. ПУДОВА — Тверская, № 24.



НОВОСТЬ! НЕОБХОДИМО КАЖДОМУ! НЕВЫЖИВАЮЩАЯ ВЕЧНАЯ ДОСКА "ПЮНЕР"

для писания, рисования и черчения любыми карандашами (черными, химическими и цветными). Написанное быстро и легко удаляется. Высылаем за 1 р. 25 к. шт., (можно марками), с пересылкой и упаковкой по всей территории СССР. При выписке не менее 5 шт. скидка 10%. **ТЕХНО-ХИМИЧЕСКАЯ Промышленная Кооперат. Артель "КООПХИМОГРАФ" ЛЕНИНГРАД, Стрельбиная, 11.**

WEKA
ПАТЕНТ АВТОМАТИЧЕСКОЕ ВЕЧНОЕ ЗОЛОТОЕ ПЕРО

КУБУЧ/комиссия по улучшению БЫТА УЧАЩИХСЯ/



ЛЕНИНГРАД **Мойка, 53.**

ВНИМАНИЕ! НОВЫЕ КНИГИ

Д-р КРАНФЕЛЬД—Гипноз и внушение. 1 р., с пер. 1 р. 80 к. Д-р мед. ДРЕНСЕР.—Как предохранить себя от беременности, не прибегая к аборту. 112 стр. 32 рис. 1 р. 20 к., с пер. 1 р. 50 к. Д-р ЯКОБСОН.—Половая холодность женщины. 2 дополн. изд., с 28 рис., 2 р. 35 коп. Верный заработок на дому! БРОДЕРСОН.—Техно-химические рецепты. 2 р. 50 к., с пер. 3 р. Самоучитель фотографии в современных условиях. 4 вып. 2 р. 10 к. с пер. 3 р. РУДЬ. Хозяйка-кулинария. 1375 общ. в. 3 р. 50 к. **ФОРЕЛЬ.** — Полевой вопрос, гигиеническое и соц. исследование. ц. 4 р. **ПЕСОЧНИК Н.** — Полный курс стального кукольника. 407 рисунк. 3 р. 50 к. **РЫТОВ.** — Русские лекарствен. растения. 2 т. 3 р. **ЛАНГ-СТРОТ.** — Пчелы и улей. 4 р. **БЕМ.** — Руковод. железно-дорожн. машиниста. XI изд. 5 р. **БОРГМАН.** — Выделка подошвенной кожи. 3 р. 50 к. **НАУМОВ.** — Двигатель внутреннего сгорания. 1 р. Требования адресов. Ленинград, пр. Володарского 55/0. Книжному магаз. «ТЕХНИКА и МЕДИЦИНА».

НОВЫМИ КНИГАМИ, с правом обмена

Акц. О-во Книжной Торговли Ленинград, Восточн. Гостиного двора, № 128. Подробный проект условий высылают библиотекам, клубам и др. культурно-просветит. организациям **бесплатно.**



ЗЛОВОНИЕ в УБОРНЫХ, дурной запах в квартирах и общественных помещениях УНИЧОЖАЕТ ОЗОНАТОР БРУКИЛЬ

Ц. 1 р. 40 к. (с пересыл.), высыл. налож. платежом без задатка. Для учреждений имеются специальные большие аппараты по цене 15 р. комплект. **ЛЕНИНГРАД, Троицкая 9. ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО И. Е. БРУК.**



ЛЕЗВИЯ „ЖИЛЛЕТ“
U.S.A. Pat. No. 775134
GILLETTE 15 BLADE
OT-TO-BE-RE-SHARPENED
ТОЧКА
американским механическим способом. Полная гарантия за качество. Высылайте заказным письмом или посылкой не менее 1 доз. Цена за точку 1 доз. с пересылкой 1 р. 80 к. Москва, по. Худож. театр. 1 пом. 11. **АМЕРИКАНСКАЯ ТОЧИЛЬНЯ.**

ГИПНОЗ и ВВУШЕНИЕ

Кранфельд 70 к.
КАК НЕ СТАРИТЬСЯ Фрумузан 95 к.
СОН и СНОВИДЕНИЯ Фишер. 70 к.
ПОЧЕМУ МЫ УМИРАЕМ Лишиц. 75 к.
КАК БОРОТЬСЯ с НАШИМИ НЕВРАМИ Джексон 2 р.
ПРОРИЩАНИЕ и ЯСНОВИДЕНИЕ Молле. 65 к.
ПРОТИВОЗАЧАТОЧНЫЕ средства в современном научном освещении. Проф. Губарев и проф. Селицкий. Ц. 1 р. 70 коп.
Физиология и Патология ПОЛОВОГО АКТА и ЗАЧАТИЯ. Роледер. Ц. 2 руб. 50 коп.
«ВСЕ ги ВСЕХ» издательств высылает налож. плат. без задатка. Кооперативное Т-во «СОТРУДНИК ПРОВИНЦИИ» Москва 9, ул. Огарева 3.

МИЛЛИОНЫ

ЛЮДЕЙ ПОКУПАЮТ
АРОМАТИЧЕСКИЕ ЛЕПЕШКИ
„РИЧАРД ВЕРДО“

для моментального приготовления разных напитков, настоек, коньяка и ликеров прекрасного качества, вкуса и аромата

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДЕ!

Цена 30 (тридцать) коп. коробка
Главный склад **П. ЗАМИН.**
Ленинград, Колокольная 18.

По первому требованию высылаем ассортимент в количестве не менее 10 коробок наложенным платежом.

ПЕРЕПРОДАВЦАМ СКИДКА.

Хаукис.
ПУТЕВОДИТЕЛЬ по ЭЛЕКТРИЧЕСТВУ

В вопросах, ответах и рисунках. Перев. под ред. проф. Холунова

Часть первая:

Основы электротехники. Первичные элементы. Индукционные катушки. Динно-машинный постоянный ток.

Страниц 296. Цена 2 р. 25 к.

Часть вторая:

Переменный ток. Диаграммы переменного тока. Коэффициент мощности. Альтернаторы. Конструкция альтернаторов. Двигатели переменного тока. Трансформаторы. Преобразователи переменного-постоянного тока. Выпрямители.

Страниц 316. Цена 3 р.

В каждой книге — несколько сот рисунков, чертежей и схем.

Эти книги изданы Государственным Издательством; продаются во всех магазинах Госиздата.

МОСКВА 9, ГОСИЗДАТ, КНИГА ПОЧТОЙ

или ЛЕНИНГРАД, ГОСИЗДАТ, КНИГА ПОЧТОЙ

высылают книги наложенным платежом немедленно по получении заказа. При высылке всей стоимости в сред. — пересылка бесплатно.